

Часть II

**ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНАЯ
ПРОБЛЕМАТИКА ТВОРЧЕСТВА
И. А. ФЕДОСОВОЙ**

Творчество Ирины Андреевны Федосовой было трижды фиксировано собирателями — Е. В. Барсовым в 1867—1868 гг., О. Х. Агреновой-Славянской в 1886—1887 гг. и затем в 1895 г. писательницей А. Толиверовой. Записи Толиверовой, как говорилось выше, отрывочны — они были произведены со специфической целью — оживить, иллюстрировать очерк о Федосовой, задуманный для детского журнала «Игрушечка» — и поэтому, к сожалению, сравнительно мало обогащают наше представление об идеологическом смысле и художественных особенностях творчества Федосовой. Еще меньше дают они для характеристики специфических черт творчества Федосовой в 90-е годы по сравнению с 60-ми и 80-ми годами. Записи О. Х. Агреновой-Славянской несравненно богаче — два тома посвящены описанию свадебного обряда, в 3-м томе мы находим похоронные и рекрутские причитания, былины, исторические песни, баллады, духовные стихи, лирические песни, пословицы и величания-импровизации. К сожалению, качество записей Агреновой-Славянской значительно ниже качества записей Барсова.¹ Агренова-Славянская, повидимому, смутно представляла себе действительную жизнь причети, ее идеологическую и художественную специфику. Многие в этих записях говорят о том, что Федосова не импровизировала для собирательницы с такой же свободой как за

¹ Трудно сказать, в чем секрет неудачи собирательницы. Возможно, что основные ее усилия были направлены на запись мелодии. Записи же текстов небрежны — они плохо передают особенности восточно-заонежского диалекта, совершенно не отражают действительную структуру причети, так четко намеченную Е. В. Барсовым. Впрочем, по отзыву музыковедов (проф. Е. В. Гиппиус), и нотные записи стоят на невысоком уровне.

двадцать лет перед этим для Е. В. Барсова. Стеснительные условия тверского барского поместья, в которых производилась запись, необходимость импровизировать на темы, предложенные Агреновой (хотевшей записать напевы именно к текстам, записанным Барсовым, которые Федосова не могла, конечно, вспомнить), связали творческую инициативу сказительницы-поэтессы.

Тексты Федосовой в записи Агреновой попрежнему отмечены печатью большого таланта, но среди них нет ни одного шедевра, достойного встать рядом с «Плачем о писаре», «Об убитом громом-молвией», «О старосте», «О потопших» и другими лучшими текстами в записи Барсова. Характерно, что наибольший интерес исследователей в «Описании русской крестьянской свадьбы» вызывают обычно былины, исторические песни и баллады, т. е. тексты, принадлежащие к наименее импровизационным жанрам. Это дает лишний повод предположить, что Агренова-Славянская действительно не сумела создать нормальные условия записи. Вполне вероятно, что Барсову посчастливилось встретиться с Федосовой в пору наивысшего расцвета ее дарования. Агренова, записывавшая через 20 лет после него, узнала Федосову уже старой женщиной. Можно было бы предположить, что народная поэтесса была уже не способна творить с прежней силой. Однако от такого предположения удерживают нас многочисленные и совершенно единодушные отзывы слушателей выступлений Федосовой в 1895—1896 гг., т. е. еще через десять лет после «кольцовских» записей.

Качество записей Толиверовой и Агреновой, таким образом, ограничивает возможности точного выяснения характера творческой эволюции, которую несомненно проделала Федосова с 60-х по 90-е гг. Поэтому нам придется сосредоточить анализ поэтического мастерства и идеологического содержания творчества Федосовой на материале записей Барсова (1867—1868 гг.), лишь эпизодически привлекая записи двух других собирателей для разрешения основных проблем ее творчества в 60-е гг. прошлого века. Отдельные предположения о дальнейшем его развитии будут допускаться лишь в редких случаях. Отдавая себе ясный отчет в ограниченности возможных результатов такого изучения, мы не видим, тем не менее, других его путей (до обнаружения новых дополнительных материалов).

ГЛАВА I

Итак, основные из известных нам текстов Федосовой записаны в 60-е гг. прошлого века.

60-е гг. XIX века — одно из самых бурных и совершенно исключительных по остроте политической ситуации десятилетий в истории русского крестьянства. Так называемая «освободительная реформа» 1861 г. вместо разрешения противоречий и умиротворения, которых жаждали ее авторы, принесла новое невиданное обострение политической жизни в стране. «Компромисс», о котором мечтали крепостники, явно не удался, он не остановил исторического развития. Началось бурное, полное противоречий развитие капитализма в России.

Как известно, реформа, проведенная крепостниками, не принесла крестьянам ни политического, ни экономического освобождения. «...«освободители» так повели дело, — писал В. И. Ленин, — что крестьяне вышли «на свободу» обобранные до нищеты... Крестьяне остались и после освобождения «низшим» сословием, податным быдлом, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство, выколачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало и охальничало».²

¹ Некоторые части этой и последующих глав изложены в нашей статье «И. А. Федосова как выразитель крестьянского мировоззрения пореформенного периода» в сб. «Русское народно-поэтическое творчество. Материал для изучения общественно-политических воззрений народа», Труды Института Этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1953, т. XX, стр. 90—126.

² Соч., т. XVII, стр. 65.

Своеобразие исторического развития Карелии в эту эпоху предопределялось тем, что в период феодализма частно-владельческая, помещичья форма крепостного права в силу ряда причин, анализировать которые не входит в нашу задачу, здесь совершенно не развивалась. Крестьяне Карелии в основной своей массе были «государственными крестьянами», т. е. находились в феодальной зависимости не у отдельных помещиков, а у феодально-крепостнического государства в целом, причем часть из них (Петрозаводский уезд) была приписана для несения феодальной повинности к Олонецким горным заводам. Вместе с тем, несомненно, что общий смысл «реформ» и общие закономерности пореформенного развития проявлялись и здесь с достаточной силой. Бывшие горнозаводские крестьяне вышли из реформы не менее, если не более, «ободранными», чем крестьяне других областей России. Реформа 60-х гг. «освободила» крестьян Карелии совершенно так же, как и крестьян центральных губерний, от земли. Закрепление за крестьянами определенных наделов и запрещение свободно пользоваться «лядинами» — подсечными запашками в казенных лесах — лишало олонецких крестьян значительной части земли, которую они фактически обрабатывали до «освобождения». Словом, при всем кажущемся различии, здесь прошла совершенно такая же «помещичья «чистка земель» для капитализма»,¹ о которой говорил В. И. Ленин.

На душу населения теперь приходилось здесь всего 4,4 десятины при среднем размере наделов в 5,8 десятины по 49 губерниям Европейской России.² Кроме того, следует учесть, что действительно пригодно к использованию было не более 17% всей закрепленной за крестьянами земли.³

Процесс передачи крестьян из горнозаводского ведомства в ведение мировых и земских учреждений, во главе которых было поставлено губернское по крестьянским делам присутствие, сопровождался постоянным ростом

---

¹ Соч., т. XIII, стр. 251.

² Никитин М. Г., Государственные крестьяне в Карелии в период реформы 1838—1861 гг. (рукопись), стр. 156. См. архив Карело-Финского филиала АН СССР.

³ Молодых С. Ф., Карелия во второй половине XIX в. Сборник документов (рукопись), стр. 1, см. там же.

земских поборов, возраставших в эти годы с неменьшей быстротой, чем государственные подати. За десятилетие с 1857 по 1867 гг. увеличение оброчной подати производилось 5 раз — каждый раз на 5—10%.¹ К концу шестидесятих годов общая сумма обложения достигла 801 423 р. при официальной страховой ценности всех крестьянских дворов в губернии в 976 615 р. Ежегодные недоимки по губернии в эти же годы достигали 200 000 р. Следовательно, общая сумма годового обложения и недоимок превышала ценность крестьянского имущества в губернии.²

С каждым послереформенным годом положение крестьян становилось все тяжелее. Это усугублялось полосой недородов, начавшейся в 1861 г. и растянувшейся на 7 лет. Наибольшей силы голод достиг в 1867 г.³ Даже чиновничьи «Олонецкие Губернские Ведомости» не в силах были скрыть размеры голода и откровенно назвали 1867 г. «страшным годом».⁴ В утешение читателям они преподносили глубокомысленные «исторические» размышления, которые должны были доказать неизбежность наступления голодной полосы (от 3 до 7 лет) каждые 20—30 лет: «В настоящем же столетии, как запомнят старики... хлебный недород был около 1810 г., затем в 1832, 33, 34 гг. и, наконец, с 1861 по 1867 гг. В этом минувшем (1867 г. — *К. Ч.*) году урожай был здесь по официальным данным меньше на 220 000 четвертей против 1866, также недородного года. **1867 г. был год страшный для Олонецкой губернии** (подчеркнуто мной — *К. Ч.*), к великому утешению, думаем мы, и последний в настоя-

---

¹ См. Ходский, Очерк развития земельных отношений бывших государственных крестьян, Русская мысль, 1889, ноябрь. Следует отметить, что с 1814 по 1862 гг. государственные денежные повинности ежегодно возрастали в среднем на 16% (История России в XIX в., изд. Гранат, т. III, стр. 187).

² Молодьков, там же, стр. 1 и 3.

³ В 1867 г. голод распространился по большинству северных и северо-восточных губерний — это было одной из причин отставки Валуева и образования Правительственного комитета под пред. наследника; см. Корнилов А. А., Крестьянская реформа, СПб., 1905, стр. 193—194.

⁴ О том же см. Приклонский С. А. Народная жизнь на Севере, М., 1884, стр. 3. «Тогда общество на минуту остановилось с праздным любопытством перед картиною предсмертной муки, умиравшего от голода, олонецкого «крестьянина».

щем недородном периоде».¹ В одном из ближайших номеров «Ведомостей» о том же пишет корреспондент из Петрозаводского уезда Лавров, а вслед за ним местный учитель и этнограф К. М. Петров. Именно в этом году газета напечатала на своих страницах получивший печальную известность рецепт приготовления хлеба из исландского мха. Лицемерный совет уповать на бога и печь хлеб из мха и коры — лучшее, что могло придумать губернское начальство.

В центральных газетах начинают все чаще появляться статьи о бедственном положении крестьян Олонецкой губернии. На одну из них, в газете «Москва», губернатор счел нужным дать официальный ответ, в котором, вместе с признанием значительности размеров голода, рассказывал в успокоение читателей о «мерах», принятых губернским начальством.² Однако эти «меры» не достигали своей цели. С 1864 г. по 1869 г. посевные площади упали с 180 000 дес. до 172 000 дес. Таким образом; после неурожая 1867 г. в губернии пустовало около 8 тыс. десятин.³ В 1868 г. крестьяне Шуйской и Салменижской волостей Петрозаводского уезда дважды (в апреле и мае) посылали ходоков к царю с прошением о выдаче им пособий, так как поля их оставались без посевов.⁴ По ироническому замечанию Федосовой: «Стали крестьяна разживаться, а от семян земли оставаться» (стр. 323).

Еще одно несчастье постигло в эти годы олонецкое крестьянство — в 1862—1868 гг. резко усилилась эпизоотия сибирской язвы, не покидавшей губернию уже несколько десятков лет.⁵ С наибольшей силой эпизоотия проявилась в том же 1867—1868 гг. В отчете за 1867 г. губернатор вынужден был признать: «Сибирская язва, появившаяся в 1867 г. в губернии, застала земство врас-

---

¹ Е. В. Барсов, О хлебных недородах, ОГВ, 1868, № 21. Содержательное описание бедствий олонецких крестьян в годы недорода (1861—1868 гг.) дал Н. Флеровский в книге «Положение рабочего класса в России» (1869), стр. 89—121.

² ОГВ, 1868, № 23 и 25.

³ См. Приклонский С. А., Народная жизнь на Севере, М., 1884, стр. 13.

⁴ Никулин М. Г., там же, стр. 160.

⁵ См. статьи и заметки о сибирской язве в Ол. Губ. Вед. 1841, № 30; 1849, № 31; 1853, № 28; 1860, №№ 28 и 30; 1861, № 33; 1863, № 28; 1865, №№ 19, 15, 32; 1867, №№ 30, 31, 33; 1868, №№ 28, 30, 37; 1869, №№ 52, 55.

плох: на местах появления ее не было ни медиков, ни фельдшеров, ни медикаментов».¹

В том же 1867 г. началась эпидемия сыпного тифа — заболело 1120 чел. Дальнейшего распространения эпидемия, впрочем, не получила.

Разоренные реформой, недородом, эпидемиями и погромами крестьяне в эти годы бежали из деревень в город — в надежде приработать, в леса — чтобы спрятаться от «начальства». Бежали куда глаза глядят. Число паспортов, выданных на отлучки, достигает к 1871 г. значительной для малонаселенной губернии цифры — 14 750. Не меньшие размеры приобретает и неофициальное бегство. Так, в № 25 «Губернских Ведомостей» за 1868 г. сообщалось о побеге крестьян «в числе нескольких сот человек» на юг. Беженцы были задержаны в Вологде и возвращены этапным порядком «для водворения на прежних местах жительства». Об аналогичной попытке более пятисот олонецких крестьян переселиться в южные губернии сообщает и Флеровский в главе, специально посвященной Олонецкой и Архангельской губерниям.²

Тяжесть положения разоренных недородом крестьян усугублялась еще и тем, что «реформа» растянулась почти на 20 лет, т. е. вдвое дольше, чем это было предусмотрено указом от 28 января 1863 г., и в 10 раз по сравнению с первым указом о реформе государственных крестьян от 8 марта 1861 г.³ Исполнение «реформы» затягивало само правительство.⁴

Передача крестьян мировым учреждениям началась фактически лишь в конце 1866 г. «Олонецкие Губернские Ведомости» (№ 27, стр. 492) опубликовали официальное сообщение о правительственном указе. Одновременно было объявлено распоряжение губернатора об образовании мировых участков по всем уездам губернии. 27 августа последовало назначение мировых посредников по

---

¹ Гос. архив КФССР, фонд Губ. Статистического Комитета, связка 7/93.

² Флеровский, стр. 89 и сл.

³ Никулин, там же, стр. 140.

⁴ Административное «устройство» государственных крестьян началось по правительственному указанию лишь с 18 января 1866 г., земельное «устройство» — лишь с 24 ноября 1866 г.

каждому участку. Вместо всевластия окружного начальника министерства государственных имуществ попечителем и по существу хозяином над государственными крестьянами становился мировой посредник из тех же чиновников. В обязанности мирового посредника входило не только посредничество при новом межевании земель и выдача уставных или владенных грамот. Он был наделен фискальными полномочиями, обладая при этом не только полицейской, но и судебной властью над крестьянами (опека над волостными судами). В официальном обзоре «хода крестьянского дела» в губернии чиновник Губернского Управления Ю. Булах писал: «Взыскание оброчных и казенных недоимок производилось волостным и сельским начальством с временнообязанных крестьян также довольно успешно под наблюдением мировых посредников, различная деятельность которых высказывалась тут более или менее наглядным образом, особенно в отношении оброчных недоимок».¹

В Приложениях к «Олонецким Губернским Ведомостям» в эти годы постоянно публикуются красочные материалы судебных и ведомственных разбирательств «недоразумений», возникших в связи с деятельностью мировых посредников, «успешно» взыскивавших подати. Взаимоотношения между крестьянами и мировыми посредниками с первых же дней стали крайне напряженными.²

Учреждение института мировых посредников означало для крестьян Карелии начало нового этапа ограничения прав общины на самоуправление. Эти «права», особенно после реформы П. Д. Киселева 1838—1843 гг., были весьма относительными и по существу иллюзорными, но попрежнему высоко ценились олонецкими крестьянами. Реформа П. Д. Киселева, помимо целого ряда экономических мероприятий, включала и весьма значительные изменения системы местного самоуправления, которые

---

¹ См. Булах Ю., Краткий очерк хода крестьянского дела в Олонецкой губернии на 1 ноября 1863 г., Памятная книжка Олонецкой губернии за 1864 г., стр. 114 и др.

² Неудивительно, что Л. Н. Толстой, назначенный было мировым посредником в Тульской губернии и пытавшийся защищать интересы крестьян, был не только немедленно отстранен от должности, но и отдан под надзор III Отделения (см. С. Бычков, Толстой и проблема народа (50—60 гг.), в сб. «Историко-литературный сборник», М., 1947, стр. 409).

были направлены на преодоление традиционной «самостоятельности» крестьянского внутриобщинного самоуправления путем превращения крестьянских выборных в правительственных чиновников. В конечном счете реформа П. Д. Киселева противопоставила общине — волость. Однако деревенские старосты формально оставались попрежнему ставленниками крестьян. Реформы 60-х гг. окончательно лишали общину административной самостоятельности.

Создание согласно реформе 40-х гг. окружных управлений параллельно с существующей земской полицией было фактическим уничтожением т. н. «самостоятельности» крестьянских общин и в вопросах внутриобщинного порядка. В 60-е гг. сдвоенная полицейско-судебно-фискальная власть мирового посредника и станового пристава довела начатое графом Киселевым до конца.¹

Запрещение пользоваться «лядинами», увеличение поборов и систематическое вмешательство во внутренние дела общины затронули как бедняцкие слои, так и кулацкую верхушку деревни. Поэтому неудивительно, что мировые посредники, бесчеловечные исполнители всероссийского «обдирания до нищеты», нередко встречали единодушное сопротивление своим распоряжениям всего крестьянского «мира» со старостой во главе. Так, в отчете олонекского губернатора за 1869 г. отмечалось 160 случаев сопротивления властям, за которые было осуждено 297 крестьян.²

Так, например, в 1869 г. разбиралось дело о предании суду лижемского сельского старосты Полозова по отношению мирового посредника второго участка Петроза-

---

¹ Бурджалов Э. Н., Яковлев Н. Н., Городецкий Е. Н., Мянц И. И., История СССР. Учебное пособие ВПШ при ЦК ВКП(б), стр. 204—205. Параллельно с посредниками «действовало» полицейское управление, в волости — становой пристав. В результате земской реформы появилась земская управа. В волости над крестьянином стояли: волостной старшина, староста, волостной суд. После судебной реформы появились мировые судьи. Сложная система дореформенных и вновь возникших органов власти создавала в представлении крестьян большую путаницу. «Извольте объяснить крестьянину, в огромном большинстве безграмотному, различие властей волостного суда, старшины, станового пристава, мирового посредника, земской управы, мирового судьи, когда « наш брат с грехом пополам в состоянии усвоить себе эти тонкости» — писал «Современник» (там же, стр. 118).

² Архив КФ филиала АН СССР, стр. 69.

водского уезда¹, в том же году слушалось дело о сопротивлении приставу и старшине в Пудоожском уезде,² в 1870 г. — дело об отказе от уплаты податей крестьянами Пудоожского уезда, на почве которого произошло столкновение крестьян с мировым посредником,³ «дело об отказе от выполнения распоряжений начальства»⁴ и т. д. Олоонецкие крестьяне (подобно крестьянам других областей России), сталкивавшиеся в эти годы с действиями мировых посредников, видели в них представителей помещичьего государства, ничем существенным не отличавшихся от дореформенных чиновников, столь же беспощадно выколачивавших подати. Более того, действия мировых посредников воспринимались теперь, после объявления т. н. «воли», еще острее.

Об одном из таких случаев в Кузаранде и рассказала Федосова в «Плаче о старосте» (см. ниже).

«Ни в одной стране в мире, — писал В. И. Ленин, — крестьянство не переживало и после «освобождения» такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России. Но падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу».⁵ С другой стороны, Ленин отмечал, что «реформа 1861 г. осталась только реформой в силу крайней слабости, бессознательности, распыленности тех общественных элементов, интересы которых требовали преобразования».⁶

Особенно обострились взаимоотношения губернского начальства и крестьян в тяжкие годы недорода и введения нового земельного устройства, то есть в 1866—1869 гг.

По свидетельству «Олоонецких Губернских Ведомостей» «после неурожайных годов 1867 и 1868 гг. и более или менее значительных потерь от сибирской язвы, недоимки по одним казенным окладам и неокладным сборам достигли в Олоонецкой губернии 329 000 р., увеличившись

---

¹ Государственный архив КФССР, фонд Губернского по крестьянским делам присутствия, св. № 27/982.

² Молодьков, там же, № 58.

³ Там же, № 59.

⁴ Там же, № 60.

⁵ Соч., т. XVII, стр. 65.

⁶ Там же, стр. 90.

против предшествовавшего 1866 г. на 136 000 р.»¹ Основные усилия мировых посредников в эти годы и были направлены на выколачивание возраставших недоимок.

Таково было положение олонецкого крестьянства в пору, когда Барсов отыскал Федосову в Петрозаводске и начал записывать от нее тексты, составившие впоследствии трехтомный сборник «Причитаний Северного края».

Таким образом, ситуация, создававшаяся в Олонечкой губернии во второй половине 60-х гг. XIX века, при всех ее специфических чертах была типичной пореформенной ситуацией. Следовательно, мы вправе ожидать, что в творчестве Федосовой встретимся с поэтическим отражением именно общих закономерностей развития мировоззрения крестьянства пореформенной поры (естественно в формах и образах, свойственных и близких олонечкому крестьянству).

Г Л А В А 2

Для правильного истолкования творчества Ирины Андреевны Федосовой в 60-е гг. необходимо прежде всего помнить, что все ее тексты, которые мы знаем по сборнику Барсова, записаны в «страшный» 1867 г. и следовавший за ним, немногим менее тяжелый для олонечкого крестьянства, 1868 г. Только при учете этой обстановки станет понятной та необычайная социальная напряженность, которая поражает нас при первом же знакомстве с текстами Федосовой. Только тогда получают свое объяснение и цензурные пропуски² в томе сборника, и то горячее одобрение, с которым руководители «Отечественных записок» — Некрасов и Михайловский — приветствовали его появление.

¹ Олонечские Губ. Ведомости, 1875, № 40.

² Особенно I том изобилует выдержками, имеющими, очевидно, различное происхождение. Всего по тому мы насчитываем 21 выдержку, из которых девять явно цензурного происхождения стр. 104(2), 106, 122(2), 123, 185, 196, 214, 215, 220, 252, 258, 262, 264, 267, 282, 286, 287, 288, 297, 298, из них явно цензурные — стр. 106, 123, 193, 252, 262, 286, 287, 288, 297. Кроме того, обращает на себя внимание заголовок текста № 20 «Из плача о писаре». Таким образом, оправдывается предположение В. И. Ленина о том, что в действительности тексты И. А. Федосовой звучали с еще большей остротой, чем это следует из сборника Е. В. Барсова. К сожалению, восстановление этих пропусков невозможно, т. к. подлинники записей не сохранились.

Ирина Андреевна Федосова не могла оставаться и не осталась в стороне от грозных и бурных событий, потрясавших в эти годы родную ей олонецкую деревню. Острый природный ум и дарование большого художника позволили ей, неграмотной олонецкой крестьянке, не только остро воспринимать происходившее, но и подняться до смелых и ярких поэтических обобщений, с большой силой выразить умонастроения, типичные не только для олонецкого крестьянства, но и для всего русского крестьянства второй половины 60-х гг. XIX века. Конечно, ясность осознания ею происходившего надо понимать относительно. Своим творчеством Федосова в равной степени отражала и сильные и слабые стороны крестьянского мировоззрения — именно поэтому и следует говорить об огромной историко-познавательной ценности ее творчества.

Со страниц I тома сборника И. А. Федосовой веет «страшным 1867 г.»:

Зло — несносное, велико это горюшко
По Россиюшке легает ясным соколом,
Над крестьянами злодийно черным вороном;
Возлетат оно злодийно само радуется:
«На белом свете я распоселилося,
До этих крестьян я доступило,
Не начаются обиды, накачаются;
Не надбуются досады, принавидятся».
Как со этого горя со великого
Бедны людюшки, как море, колыбаются;
Быдто деревья стоят да подсушены;
Вся досюльщина куды да подевалася;
Вся отчевщина у их нонь придержалася;
Не стоят теперь стогн перегодныи,
Не насыпаны анбары хлеба божьего;
Нет на стойлы-то у них да коней добрых,
Нет у зимних у их санок самсжатных,
Нет довольных-беззаботных у их хлебушков;¹
(стр. 292)

Буди проклято велико это горюшко,
Буди проклята злодийная невзгодушка;
Как по нынешним годам да по бедовым
Лучше на свет человеку не родится —
Много страсти-то теперь да много ужастн,
Как большн того великиих пригрозушек;
(стр. 288)

¹ Здесь и дальше для облегчения чтения цитат из текстов И. А. Федосовой нами отмечаются все случаи отклонения ударений от норм, принятых в литературном языке.

Приведенный выше отрывок из «Плача о писаре» часто привлекался писавшими о Федосовой для демонстрации поэтичности изображения ею тягот крестьянской жизни вообще. Это несомненно справедливо, так как образ Горя возник в народной поэзии задолго до Федосовой, однако, обобщенность образа вовсе не противоречит конкретности его восприятия. Диалектика жизни и развития емких, обобщенных образов именно и состоит в том, что они оказываются близкими многим поколениям, но каждым поколением усваиваются по-своему. Поэтому нельзя игнорировать то обстоятельство, что записи Барсова от Федосовой были произведены именно в пореформенные годы. В приведенных строках для Федосовой и ее слушателей заключался совершенно реальный смысл. Образ вырвавшегося из заключения и бушующего Горя символизировал для них пореформенные бедствия русского крестьянства. Вместе с тем строка: «Не стоят теперь стоги перегодные» — явно имела в виду недород 1861—1868 гг.; «не насыпаны анбары хлеба божьего» — недород, нет хлеба, голод; «нет на стойлы-то у их да коней добрых» — эпизоотия сибирской язвы и другие несчастья, вызвавшие падеж скота в эти годы и т. д. Не менее обобщенно и вместе с тем конкретно, должно быть, воспринимались и слова:

Вся досюльщина¹ куды да подевалася,
 Вся отчевщина² у их нонь придержалася,

т. е. старина идет на убыль, «неправедные судьи» не считаются с «правами общины». Следующие затем строки подтверждают правильность нашего толкования. Федосова прямо говорит о виновниках крестьянских бедствий:

Ты порёскажи, крестовый-милый кумушко,
 Ты порёскажи блязьке многомилосливу,
 Што неправедные судьи расселяются,
 Свысока глядят оны да выше лесушко,
 Злохозяишо их ретливое сердечушко,
 Точно лед как во свѣтѣм море;
 Никуды от их злодиев не укроешься:
 Во темных лесах найдут оны дремучих,

¹ Досюльщина, т. е. то, что было «досюль», в старину, т. е. старина.

² Отчевщина, т. е. то, что было при отцах, синоним «досюльщины».

Все доищутся в горях оны высоких,
Доберутся ведь во матушке сырой земле,
Во конец оны крестьян всех разоряют.
(стр. 292)

или

Наезжают-то судья страховитыя,
Разоряют-то крестьянски оны жирушки
До последней-то оны да лапотнички.
(стр. 288—289)

Совершенно ясно, что «неправедные судья», «судья страховитые» для Федосовой и ее слушателей были собирательным понятием, обобщенным образом, означавшим мировых посредников, межевых чиновников, станowych приставов — словом, всех, кто осуществлял правительственную реформу. Эти строки звучат прямой иллюстрацией к известным словам Ленина: «Патриархальная деревня, вчера только освободившаяся от крепостного права, отдана была буквально на поток и разграбление капиталу и фиску. Старые устои крестьянского хозяйства и крестьянской жизни, устои, действительно державшиеся в течение веков, пошли на слом с необыкновенной быстротой».¹

Повидимому и строки «Во темных лесах найдут оны дремучих» и т. д. не воспринимались слушателями Федосовой в качестве простой поэтической фигуры. В них вкладывался совершенно реальный смысл. Известно немало случаев бегства крестьян в леса от начальства, от податей, от непосильных земских повинностей. Бежали не только целыми семьями, но, иной раз, и целыми деревнями, селились в глуши, заводили там хозяйство, пока губернское начальство не открывало никому не известные селения и не ставило их в прежнюю зависимость от государства. Именно это и имела в виду Федосова в «Плаче о старосте»:

Уж не бросить же участков деревенских,
Не покинуть же крестьянской этой жирушки
Все для этих властей да страховитых!
(стр. 283)

За год до того, как Барсов записал эти строки от Федосовой, читатели «Олонецких Губернских Ведомостей» могли прочесть в «Дорожных заметках» некоего М. Г.: «Рассказывают же, что как-то однажды были от-

¹ Соч., т. XV, стр. 183.

крыты в лесах за непроходимыми чащами и болотами несколько деревень, выстроенных дезертирами¹ или укрывающимися раскольниками, никому не бывших известными и нигде не значившихся».² Напомним роман В. Г. Чехова «Возмутители»³, в котором рисуются правдивые картины такого «залесного» поселения на родине Федосовой в Толвуйской волости Петрозаводского уезда. О таких «бегствах» помнят еще и до сих пор кузарандские старики. И. А. Якушев из дер. Загорье Кузарандского с/совета рассказывал в 1948 г.: «Старики говорили, что наш народ был ссылочный на вечное поселение от царской власти, да еще населились беглецы, как раньше от власти бегали. А до нас тут был лес непроходимый, еловый. У нас есть в селении такие фамилии — Якушев, Аристов, Мошников, Матросов. Говорят, что эти люди беглые все. Матросов — от флота, Якушев, как рассуждают, что это польская фамилия Якушевский, Аристов, тоже разговор ведется, что человек арестованный был. Мошников — по лесам бродил и попутно много набил мошников, (глухарей — К. Ч.). Эти люди пришли в разное время. Так и поселились и стала сельга».⁴ Того же происхождения и кузарандское название деревень за Яндомозером — Залесье, т. е. селение за лесом, в лесу.

Непосильная тяжесть податей в годы недородов, издевательства, которым крестьяне подвергались при их сборе, с особенной силой рисуются Федосовой в тех случаях, когда речь идет о судьбе многодетных вдов. Так, например, в «Плаче вдовы по муже» (№ 1):

Как послы своей надежной головушки
Я по земским избам да находилася,
У судебных-т мест да настоялася,
Без креста-то ведь я богу намолилася,
Без Иисусовой молитовки накланялася,
Всем судьям, властям ведь я да накорилася.
(стр. 16)

В «Плаче по дяде родном» (№ 12) всеобщий недород воспринимается вдовой как ее индивидуальное горе:

¹ Имеются в виду, конечно, не дезертиры из армии, а скрывающиеся от податей и «горных уроков».

² Олонекские Губ. Ведомости, 1866, № 23—24.

³ Чехов В. Г., Возмутители, Исторический роман, Петрозаводск, 1939; 2 изд. — Петрозаводск, 1948.

⁴ Запись хранится в архиве автора.

После милой надежной сдержавушки,
Недород да все довольным этим хлебушкам,
Недорос да на лугах-травках шелковых;
Не дом теперь — житье не разживается,
Жирушка победная скуდება;

(стр. 182)

Заплатить подать, вынести «тяготы казенные» вдова может только, продав скотину или заложив одежду — свою и своих детей. Как только Федосова включает в круг бедствий вдовы «судей неправосудных», требующих уплаты податей, — личное горе вдовы приобретает для слушателей Федосовой общественный смысл, отчетливое социальное звучание.

Как ответ держит сердечно мило дитятко:

— Не к лицу тебе, родитель-родна матушка,
Што таскаться по избам тебе по земским,
У стола стоять, родитель, у судейного,
Супротив стоять судей неправосудных.

(стр. 183)

В свете сказанного нельзя не вспомнить ошибочный вывод, сделанный акад. Л. Н. Майковым на основании цитированного выше текста: народ, якобы, охотно исполняет свои обязанности — «народ горюет только о том, что эти подати собираются иногда без снисхождения к временным нуждам и обстоятельствам крестьян».¹

Следы «страшного года», следы пореформенного времени без особенного труда отыскиваются почти в каждом тексте Федосовой. Но рассмотрим, прежде всего, наиболее яркие, посвященные специально интересующим нас событиям, — «Плач о старосте» и «Плач о писаре». Тексты эти тесно связаны друг с другом.

«Плач о старосте» рассказывает об одном из столкновений кузарандских крестьян с мировым посредником. Такие столкновения, как уже говорилось, были особенно типичны для периода 1866—1869 гг. Плач чрезвычайно интересен тем, что в нем исключительно резко выражена оценка заонежскими крестьянами деятельности мировых посредников — основных проводников правительственной политики в олонецких деревнях в пореформенные годы.

¹ Майков Л. Н., Причитания Сев. края, собр. Е. В. Барсовым, ч. I, М., 1872, ЖМНП, 1872, ч. CXIV (декабрь), стр. 398.

Возникновение «Плача о старосте» можно со всей определенностью отнести к августу-сентябрю 1867 г. Как уже отмечалось выше, передача государственных крестьян (в том числе и горнозаводских, к которым принадлежали крестьяне Толвуйской волости) в ведение мировых учреждений была объявлена в июле 1866 г.¹ 27 августа того же года последовало назначение колл. секр. П. П. Дротаевского мировым посредником 2-го участка Петрозаводского уезда, в который входили волости — Петропавловская, Кижская и Толвуйская.² Это позволяет утверждать, что «Плач о старосте» мог возникнуть только между 27 августа 1866 г. и 25 ноября 1867 г., когда Барсов окончил работу над I томом. Можно предположить, что «Плач о старосте» возник именно в осенние месяцы 1867 г., так как обычно осенью, после сбора урожая, начиналось выколачивание податей и недоимок. Это предположение кажется верным еще и потому, что, с одной стороны, неурожай 1867 г., а с другой стороны, объявление добавочного сбора к оброчной подати на 1867 г. особенно обострили взаимоотношения крестьян и губернских властей в осенние месяцы 1867 г. Кроме того, «Плач о потопших», записанный одновременно с «Плачем о старосте», дает основание предполагать, что август 1867 г. Федосова провела в Кузаранде.³

Итак, «Плач о старосте» рассказывает о столкновении кузарандских крестьян с мировым посредником Дротаевским осенью 1867 г., т. е. в первый для мировых посредников сезон выколачивания податей. Однако, судя по всему, это уже не первая встреча крестьян с посредником. Крестьяне уже знают, с кем они имеют дело, они уже испытали на себе «дикий произвол... шайки благородных оборванцев», как назвал их В. И. Ленин.⁴

¹ Олонецкие Губ. Вед., 1866, № 27, 16 июля, стр. 492.

² Олонецкие Губ. Вед., 1866, № 33 от 27 августа, стр. 601. Дротаевский пробыл мировым посредником несколько лет. «Памятная книжка Олонецкой губ. на 1857—1859 гг.» называет его попрежнему мировым посредником 2-го участка Петрозаводского уезда (стр. 19). Таким образом, становится известным виновник гибели старосты, оплаканного Федосовой и адресат ее гневных проклятий, процитированных Н. А. Некрасовым в «Кому на Руси жить хорошо».

³ О датировке «Плача о потопших» (№ 17) см. часть III, стр. 280.

⁴ Соч., т. II, стр. 520.

Мироеды мировы эти посредники,
Разорители крестьянам православным:
В темном лесе быто звери-то съедучи,
В чистом поле быто змеи-то клезучи.
Как наедут ведь холодныи-голодныи,
Оны рады мужесенка во котле варить,
Оны рады ведь живого во землѣ вкопать,
Оны так-то ведь над има изъезжаются,
До подошвы оны всех да разоряют.

(стр. 285)

Как у этих мировых да у посредников
Нету душеньки у их да во белѣх грудях,
Нету совести у их да во ясных очах,
Нет креста-то ведь у их да на белой груди;

(стр. 283)

Крестьяне называют их «судьи неправосудные», «судьи страховитые», «посредничек свирепый», «мировой да злой посредничек», «мироеды», «злодеи супостатные», «съедуба мироедная» и т. д.

Федосова рисует отвратительный облик распоясавшегося, но трусливого чинуши. Он кажется крестьянам нечистью, нехристом:

Как налет мировой когда посредничек,
Как заглянет во избѣ да он во земскую,
Не творит да тут Иисусовой молитовки,
Не клает да он креста-то по писаному;
Не до того это начальство добирается,
До судов этот посредник доступает;

Да он так же над крестьянством налрыгается,
Быдо вроде человек как некрещеной

(стр. 282—283)

Не брезгующий никакими средствами посредник —

Во потай у «ведоростков он выведыват,
Уж нет ли где корыстного делишечка;

(стр. 283)

т. е. допытывается, не таят ли где крестьяне хлеб, не продавали ли они его на сторону до уплаты податей и т. д. Действия посредника, обрисованного Федосовой, кажутся согласованными с инструкцией губернатора Григорьева для сборщиков податей, опубликованной в «Олонекских Губ. Ведомостях» в 1884 году: «Уездный исправник и становые приставы должны хорошо знать,

в какие именно времена года крестьяне, не только отдельных обществ, но каждой деревни имеют заработки или промысла, от которых они получают деньги и, не упуская этого именно удобного времени, настаивать, чтобы старшины, сельские старосты и сборщики пособий взыскивали с крестьян денежные сборы и отнюдь не пропускали бы этого времени; в противном случае крестьяне полученные от работ и промыслов деньги, потративши на излишества, делаются поневоле несостоятельными к уплате податей в иное, неудобное для них время».¹

Приезд мирового посредника в деревню воспринимается как стихийное бедствие:

...В темном лесе быдто бор да разгоряется,
Во все стороны быв пламень как жидается,
Быдто Свирь-река, посрединчик свирепой,
Быдто Ладожское великое, сердитое... (стр. 284)

...Точно вехорь во чистом поле полетывае,
Быдто зверь да во темном лесу порыкивае... (стр. 283)

Крестьяне не знают, чем объяснить его приезд, но они не сомневаются, что от него можно ожидать только насилия и грабежа:

Он для податей приехал ли казенных,
Аль казна его бессчетна приержалася,
Али цветно его платье притаскалося,
Аль козловы сапоги да притопталися. (стр. 284)

Яркими штрихами обрисовано поведение мирового посредника. Он врывается в земскую избу (которая, по рассказам стариков, была в д. Юсова гора), требует к себе старосту, кричит на него, «без разума рукой ему приграживае»:

Неподсудны мировому знать посреднику?
Непокорны вы властям да поставленным?
Штобы все были сейчас же на им согнаны! (стр. 283)

Староста созывает крестьян на сход, посредник неистовствует, кричит на старосту:

Вы даете все повольку мужикам-глупцам,
Как бездельникам ведь вы да потакает;

¹ Олонецкие Губ. Ведомости, 1884, № 85, стр. 834.

Хоть своей казной теперь да долагайте-тко
Да вы подати казенные сполняйте-тко!¹

Уже так на мужика стане срыгаться,
Быдто зверь да во темном лесе кидается;
Да он резвыми ногама призатопает,
Как на стойлы конь копытом призастукает.
(с.р. 284—285)

Он затопает ногама во дубовый пол,
Он захлопает рукама о кленовый стул и т. д.
(стр. 283)

Крестьяне едва сдерживают свое возмущение. От имени «мира» отповедь зарвавшемуся чинуше дает кузарандский староста — герой плача-поэмы И. А. Федосовой:

Не давай спеси во блáдую головушку,
Суровствá ты во ретливое сердечушко,
Да ты чином-то своим не возышайся-тко —
Единый да все у бога люди созданы:
На крестьян ты с жулакама не насакайвай,
Знай-сиди да ты за столиком дубовым;
Удержи да свои белы эты рученьки,
Не ломай-ко ты перстни свои злаченны;
Не честь-хвала тебе да молодецкая
Наступать да на крестьян вель православных!
Не на то да вель вы, судьи, выбираетесь!
Хотя ж рьян да ты, посредник, уходишься,
Хоть спесив да ты, начальник, приусядешься;
(стр. 285)

Ретивый посредник почувствовал грозную силу в старосте, в крестьянском «мире», едином в своем озлоблении. В страхе перед крестьянской расправой он уезжает.

В монологе старосты Федосова энергично утверждает человеческое достоинство крестьян. Словам посредника:

Неподсудны мировому знать посреднику?

Вы даете все повольку мужикам-глупцам —

староста противопоставляет:

Да ты чином-то своим не возышайся-тко,
Единый да все у бога люди созданы

Не на то да вель вы, судьи, выбираетесь и т. д.

¹ Еще с XVI в., как пишет Р. Б. Мюллер в книге «Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв.», «старосты и другие выборные люди отвечали собственным имуществом за исправный сбор податей. Правительство поэтому требовало, чтобы старосты выбирались из «лучших» — наиболее зажиточных людей» (стр. 76).

Речь старосты звучит спокойно и уверенно — и именно в этом ее сила. Грозное, но сдержанное предостережение посреднику прекрасно характеризует настроение крестьян той поры. Это предвестие грозы, которая надвигалась, но не разразилась в середине 60-х гг. XIX века. Поэтому монолог старосты заключал в себе не меньший протест, чем резко отрицательное изображение мирового посредника и его бесчеловечной «деятельности».

Крестьяне одержали победу, но недолго длится их наивная радость. Мировой посредник отомстил старосте — за отлучку на неделю в Повенец для приработка,¹ он бросил его в тюрьму. По дороге домой староста умирает. Цензурные многоточия, следующие за этими строками, очевидно, скрывают рассказ Федосовой о тюремных злоключениях старосты (стр. 287).

Плач заканчивается скорбным и гневным аккордом — известным проклятием «судьям неправосудным», об использовании которого Некрасовым мы уже говорили:

Вы падите-тко, горюци мои слезушки,
Вы не на воду падите-тко, не на землю,
Не на божью вы церковь, на строенье,
Вы падите-тко, горюци мои слезушки,
Вы на этого злодия супостатного,
Да вы прямо ко ретливому сердечушку!
Да ты дай же, боже господи,
Штобы тлен пришел на цветно его платьице,
Как безумнице во буйну бы головушку!
Еще дай же, боже господи,
Ему в дом жену неумную,
Плодить детей веразумных!
Слыши, господи, молитвы мои грешные!
Прими, господи, ты слезы детей малыных!

(стр. 287—288)

Протест Федосовой против социальной несправедливости, против новшеств реформы, разорившей крестьян, достигает в этом плаче огромного напряжения. Конкретность и точность изображения событий не помешала Федосовой в изображаемом факте увидеть социально-типичное. Именно поэтому фигура самой вопленицы, резко

¹ Тоже характерная черта неурожайных лет — даже староста вынужден прирабатывать, чтобы «пропитывать сердечных малых детушек» (стр. 286).

и четко оценивающей события, а не старости, оплакивающей свою личную потерю, выступает на первый план. Плач превращается в гневную обличительную речь, произносимую от имени крестьянского «мира». Речь эта полна гражданского пафоса, более того, она полна неожиданного, казалось бы, для «вопленицы» политического мужества.

Гибель старосты — крестьянского заступника — воспринимается как одно из многих бедствий пореформенного безвременья. Крестьянский «мир», кузарандская община потерпела еще одно поражение от ненавистного врага. Именно поэтому гибель старосты изображается как общественное событие, воспринимаемое Федосовой в совершенно конкретных социальных очертаниях.

Тема «Плача о старосте» продолжается и завершается в «Плаче о писаре» «легендой о происхождении Горя» — одним из высших поэтических достижений И. А. Федосовой. Конкретность восприятия социальной действительности и здесь не мешает ей мыслить обобщенно. В лихие годы жестоких бедствий, в годы непрерывного горя естественно было задуматься над тем, откуда же это несчастье взялось? «Как отколь в мире горе объявилось», говоря словами Федосовой.

Федосова не ограничивается при этом попыткой понять, откуда «объявилось» именно это «горе» — «горе» 1867 года. Некрасов справедливо отмечал, что речь идет о происхождении «Горя общественного», т. е. о происхождении социального зла на земле. О происхождении и сущности «Горя» Федосова размышляет в связи с конкретным фактом — смертью писаря. К сожалению, мы ничего не знаем о действительных причинах этой смерти, которая трактуется Федосовой подобно смерти старосты, как общественно-значимое трагическое событие. Весьма вероятно, что опущенная Барсовым часть текста повествовала именно об этом. Эта опущенная часть могла быть чересчур резкой для цензуры, так как в начале причитания писарь называется «заступой-заборонушкой», «стеной городской», т. е. крестьянским заступником. О нем «вкупе» все «крестьяне сухотуют». Очевидно писарь, — крестьянский заступник, — подобно старосте, пал жертвой столкновения с начальством. Иначе не было бы повода для создания «легенды о происхождении Горя», имеющей при своей поэтической

обобщенности, как мы увидим, совершенно конкретный смысл.

«Легенда о Горе» делится на три, в композиционном отношении самостоятельные и замкнутые, части. Первая часть дает поэтическое изображение далекого времени, когда «жили люди во всем мире постатейные» и Горю не было места на земле». Вторая — рассказывает о том, как Горе вновь появилось на земле. Третья часть дает как бы конкретный комментарий к «легенде о Горе», разъясняет реальный социальный смысл опоэтизированного образа Горя, созданного Федосовой в первой и второй части легенды.

Легенда эта в том виде, в каком она читается в «Плаче о писаре», была несомненно в значительной мере плодом личного творчества Федосовой. Подобный сюжет неизвестен в доступных нам записях произведений русского народного творчества. Вместе с тем несомненно и то, что, создавая легенду о происхождении Горя, Федосова опиралась во многом на поэтические достижения народной традиции. Прежде всего, сам образ Горя-Доли у Федосовой органически связан с традиционным представлением о Горе-Доле-Судине (и через них с представлениями о смерти), знакомым нам по народным песням о Горе (ср. «Повесть о Горе-Злосчастии»), по сказкам, причитаниям и легендам.¹

Образ Горя-Доли-Судины, каким мы его знаем по большинству записей, имел определенные устойчивые черты. Не задаваясь целью всестороннего анализа этого интересного и во многом сложного образа, отметим две его стороны: образ Горя, «лыком подпоясанного», «моча-

---

¹ См. В. Ф. Р ж и г а, Повесть о Горе-Злосчастии и песни о Горе «S'av'a», 1931, вып. 1 « 2; А. И. С о н и н», «Горе и Доля» в народной сказке, «Университетские известия», Киев, 1905, № 10; А. А. П о т е б н я, О доле и сродных с нею существах, Труды Моск. Археолог. О-ва, т. I. Об интересе А. М. Горького к образу героя в народных песнях и сказах см. Б. Б я л и к, О Горьком, М., 1947, статью «Кolleктивное творчество народа», стр. 175—190. В письме В. Харщеву в 1912 г. Горький писал: «Странное дело: века народ русский поет и плачет о Доле, века тешится одолеть судьбу и подчиняется ей, побежденный, а наши фольклористы по сей день не дали сборника «Песен о Доле», и нет книги «Национальные представления славян о Доле и Судьбе» или иной какой-то заголовка».

Надо бы нам заняться изучением корней психики и мировоззрения народа-то нашего» («Литературная газета», 1937, 15 июня, № 32).

лами ноги приопутаны»,¹ был замечательным поэтическим обобщением тяжести жизни русского крепостного крестьянина. С другой стороны, Горе мыслилось мифическим существом, таинственной силой, фатально преследующей крестьянина от рождения до смерти. Социальные корни подобного рода фантастических представлений ясны; они были очень точно определены в свое время К. Марксом и Ф. Энгельсом:

«...Социальная сила, т. е. умноженная производительная сила, возникающая благодаря обусловленному разделением труда сотрудничеству различных индивидов, вследствие того, что само сотрудничество возникает не добровольно, а стихийно, — эта социальная сила представляется этим индивидам не как их собственная объединенная сила, но как некая чуждая, вне их стоящая сила, о происхождении и целях которой они ничего не знают, которою, следовательно, они уже не могут овладеть, которая, напротив, должна пройти свой особенный, не зависящий от воли и поведения людей, а даже эту волю и это поведение направляющий, ряд фаз и ступеней развития».²

Вместе с тем трактовка образа Доли-Горя у Федосовой во многом своеобразна и необычна. В «легенде о Горе» традиционные представления о смерти и ее происхождении, оживленные в памяти Федосовой смертью писаря, органически переплетаются с представлениями о Доле-Горе, мыслимом, однако, не как фатальная индивидуально-прирожденная «судина», а как коллективная доля крестьянства. Смерть писаря включается в общий поток крестьянских несчастий и дает толчок для осмысления всего этого потока в целом, — отсюда рассказ о происхождении «Горя общественного». В третьей части легенды максимально обобщенный и поэтизированный образ Гора раскрывается в единичной и социально-конкретной форме. Горе — это «судьи неправосудные», заполнившие Русь, те же судьи, которые проклинались Федосовой в «Плаче о старосте»; они приносят конец

---

¹ См. «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», ГИХЛ, 1938, стр. 259—260. В записях из б. Олонечкой губ. см. Рыбников, 1, 35; Гильфердинг II, 90, 177, и др.

² Собр. соч., т. IV, стр. 24—25.

«досюльщине» — недород, язву, запустение,¹ они «сиротят» детей и «вдовят» жен.

С того мор пошел на мялую скотинушку,
С того зябель на словольны эты хлебушки,
Неприятности во добрых пошли людюшках.

(стр. 291)

Следовательно, горе приносит людям не таинственная «Доля», от которой не уйти, которую если и можно обмануть, как это удастся героям сказок, то и то на время. Враждебная сила реальна, она действует на земле, ее социальный адрес указан недвусмысленно, это уже не таинственная сила вне человеческого разумения. Такое «приземление» мифологического представления означало не только переосмысление традиционного фатализма, но по существу и наступление последней его стадии — вместо прирожденного горя намечен реальный социальный враг. Тем не менее следы старого еще ясны — неизвестно, можно ли освободиться от этой, пусть теперь социальной, но все еще фатально действующей силы.

Федосова вносит в традиционные представления еще одну чрезвычайно существенную поправку — Горе, оказывается, не всегда неистовствовало на земле. Было будто бы время, когда Горе не могло подступиться к людям, это был своеобразный «золотой век» идеальной социальной организации людей:

Во досюльны времена было годышки,
Жили люди во асем мире постатейным,
Оны д'—друга люди не терзали;
Горе людюшек во ты поры боялося,
Во темны леса от них горе кидалося и т. д.

(стр. 289)

Эта, чрезвычайно характерная социальная утопия, обращенная в прошлое, свидетельствует о почти полном изживании традиционного фатализма. Но последний шаг в этом направлении — шаг наиболее трудный; он еще далеко не по силам Федосовой.

Федосовская трактовка «Доли» закономерно завершает развитие этого представления в традиции. Русское представление о «Доле», генетически связанное с первобытным представлением о родовом духе-покровителе и с разложением рода, ставшее индивидуально-прирож-

¹ См. цитату на стр. 178.

денной «Долей» (южно-слав. — роженица, среча, усуда; русская — судина, недоля, талан-участь и т. д.), все более и более осмыслявшееся как «Горе-Доля», т. е. по преимуществу, как непознанная фатальная злая сила, становится социальным понятием — крестьянская «Доля». Она олицетворяет осознанные социальные взаимоотношения людей, олицетворяет чуждую социальную силу и, тем самым, из объекта веры превращается в поэтическое обобщение, нуждающееся в реальном истолковании. Следовательно, даже сам объяснительный характер третьей части легенды сигнализирует о коренных изменениях традиционного представления о «Доле».¹

Таким образом, И. А. Федосова не ставит себя вне традиции. Переосмысляя традиционный образ, Федосова тем самым закономерно развивает его. Социальная направленность этого переосмысления вызвана, разумеется, не какими-либо имманентными законами развития самого представления о «Судьбе-Доле», как это подчас изображали исследователи, а определяется совершенно конкретными историческими условиями, в которых развивалось творчество Федосовой. Эти исторические условия были не просто случайным стечением обстоятельств середины 60-х гг. Общая идеологическая эволюция крестьянства в «пореформенную, но дореволюционную эпоху», как называет эту эпоху В. И. Ленин,² получила яркое и многостороннее выражение в устном народном творчестве. Она сказала, прежде всего, в резком усилении

---

¹ А. Н. Веселовский (см. Веселовский А. Н., Разыскания в области русских духовных стихов, сб. ОРЯС АН, т. XVI, § 6, статья XIII, стр. 253). В статье «Судьба-Доля в народных представлениях славян» специально остановился на анализе этой легенды у Федосовой. Как обычно, он подметил все, что связывает трактовку Федосовой «Доли» с традицией и совершенно игнорировал все, что отличает Федосову в этом отношении. Не удивительно, что при этом он как бы не замечает третьей части легенды, дающей ключ к правильному истолкованию всей легенды в целом. Идеологический смысл «социальная направленность «Плача о писаре» его совершенно не интересует; поэтому его исследование ограничивается академическим «сведением к традиции». Принципиальная ошибочность анализа Веселовского сказывается еще и в другом отношении: отсечение третьей части легенды приводит Веселовского к отрицанию поэтической природы «легенды о Горе» у Федосовой. «Горе» Федосовой анализируется как объект прямой веры, а не как художественное обобщение.

² Соч., т. XVI, стр. 295.

остроты социального мышления и в быстром нарастании элементов протеста. Советским фольклористам, дорожающим этими драгоценными документами, которые показывают рост революционных настроений русского крестьянства, приходится преодолевать немалые препятствия. «Разумеется, — говорил А. М. Горький в статье «На краю земли», — песни эти прошли цензуру и редакцию господ, которые вытравили из них меткое гневное слово, вытравили живую мысль и все, что пел, что мыслил крестьянин о своей трагической рабской жизни».¹ Но даже доступные нам записи отчетливо показывают, как стихия социального осмысления врывается в мир сказки, былины, причитания, деформирует традиционные образы, наполняет их новым содержанием, полным жизни и борьбы.² Творчество Федосовой шло и в этом смысле целиком в русле общего развития русского народного творчества второй половины XIX века.³

Указание на непосредственных виновников крестьянских бедствий не снимало вопроса о причинах этих бедствий. Федосовой явно не под силу логически осознанная постановка этой проблемы. Однако ее поэтическое сознание ходом самих событий подготавливалось к этому.

Социальное переосмысление традиционного представления о «Горе-Доле-Судине» подводило Федосову вплотную к изживанию традиционного фатализма. Следует отметить, что дохристианское или лучше внехристианское представление о «Доле» уживалось в сознании современного Федосовой крестьянства с другим, не менее фаталистическим, христианским по своему происхождению, пред-

¹ Собр. соч., т. XVII, М., 1952, стр. 243.

² Более подробно об этом см. К. В. Чистов «Роль русского фольклора Карелии в русском нар. творчестве». Изв. КФ Базы АН СССР, 1948, № 3.

³ Социальное осмысление образа Доли у Федосовой имеет некоторые аналогии в творчестве сказителей новейшего времени. Так, например, в сказке М. М. Коргуева «Север» (Сапоги-скороходы) Доля осмысливается аллегорически — богатый становится богатым потому, что он работает не сам, а заставляет работать на себя других. Его доля — это аллегорическое изображение батраков, приносящих богатому счастье. (Сказки Карельского Беломорья, т. I, стр. 21). См. также сказку «Про нужду» и записи от А. К. Новопольева (Садовников, № 61), рассказ о своей жизни А. Е. Поповой (сб. «Печорский фольклор», Архангельск, 1939, стр. 132) и др.

ставлением. Под воздействием «учения» церкви о «первородном грехе», о фатальной греховности человеческой жизни в традиции северной причеты сложился известный мотив — «смерть как расплата за грехи».¹ Причиной смерти объявлялась греховность покойного или, значительно чаще, греховность его родных, оставшихся в живых (обычно, самой причитывающей). Следует сказать, однако, что ко времени Федосовой этот мотив приобрел в значительной мере формальный характер.

Совершенно такой же характер имеет этот мотив и в творчестве Федосовой. Даже в «Плаче о писаре», в котором совершенно ясны и причины и виновники смерти писаря, Федосова говорит:

Много множество е в мире согрешения,
Как больши того е в мире огорченья;
Хоть повыстаем по утрышку ранешенько,
Не о добрых делах мы думу думаем,
Мы на соннице бесовско собираемя.

---

¹ Однако и этот, в сущности единственный, мотив, порожденный церковно-христианскими представлениями, связан не столько с церковным толкованием смерти, сколько с церковным учением о неизбежной греховности человека и о грядущей расплате за эту греховность. Христианская церковь сулила эту расплату после смерти; сама же смерть, по ее учению, — лишь момент перехода в иной мир, мир искупления грехов. Еще со времен И. Фрема Сирия (IV в.), Иоанна Златоуста (V в.) и других создателей церковного похоронного канона, окончательно установившегося к VIII—IX вв. церковь начала активную борьбу с материалистическим толкованием смерти, как печального конца радостной жизни. Похоронные гимны Ефрема Сирия изображают смерть как радостный конец печальной жизни. Смерть должна вселять радостную надежду на прощение грехов. За это и должны молиться оставшиеся в живых, памятуя о своей собственной греховности и каюсь в ней. Но эта как-будто оптимистическая «радостная надежда» на будущую жизнь рождала безысходный пессимизм («лучше было бы не родиться, чем опоганить себя грехами»), против которого и могло бы протестовать стихийно-материалистическое по своей природе, народное сознание.

Следовательно, мотив «смерть как расплата за грехи» был порожден церковным учением о фатальной греховности, однако, далеко не соответствовал церковно-христианским представлениям о смерти. Смерть здесь — зло, расплата, конец радостного земного существования, за которым «дорожка муторельная» (т. I, стр. 5). И. Свенцицкий, исследовавший этот мотив причитаний, ясно преувеличивает значение церковно-христианского мировоззрения в его развитии, он считает его (в отличие от основных мотивов причитаний, «языческих» по существу) целиком соответствующим церковному толкованию о смерти (см. И. Свенцицкий. Похоронные голосе-1-не 1 церковно-религиозна поезја, ЗНТШ, 1910, кн. I и II).

И. А. Федосова после выступления в Русском Географическом Обществе (Петербург, 1895 г.)

Мы во тяжких грехах да не прощаемся.
Знать, за наше за велико беззаконье.
Допустил господь ловцов да на киян-море;
Изловили оны рыбоньку незнамую,
Повыняли ключи да подземельный,
Повыпустили горюшко великое;

(стр. 291—292)

Пьяница в «Плаче об у пьянсливой головушке» (№ 19) умирает от запоя. («Запивался-то ведь он в зелено вино» — стр. 276). Тем не менее, Федосова не может обойтись без упоминания традиционной «причины смерти»:

Уж богу-то надежа не молилася,
Со любимой семьей да не простился.

Механистичность использования ею этого мотива в причитании выступает особенно ясно в соседстве с другим мотивом, тоже объясняющим причину смерти пьяницы:

Знать, судижушка его да повзыскала,
Во царев кабак судьба да зазывала...

В «Плаче о потопших» (№ 17) гибель крестьян на Онежском озере вызывает у Федосовой размышление о «судьбе»:

Знать, судинушка по бережку ходила,
Страшно ужасно голосом водила,
Во длани судинушка плескала,
До суженых голов да добиралась.

(стр. 252)

Мотив «греха-причины» здесь заметно оттеснен на задний план. Однако Федосова не останавливается на этом. В замечательном «Плаче об убитом громом-молвией» (№ 16) (подобно тому, как представление о Горе-Доле-Судине было перенесено Федосовой в социальный план) традиционное представление о «грехе, как причине смерти» закономерно вырастает в проблему крестьянского «греха» — проблему крестьянской веры, т. е. проблеме греха, поставленную социально. Крестьянин был убит молнией. По известному народному поверию¹ это значит, что им нарушен запрет Ильина дня, т. е. совершен грех, кроме того —

Он не ходит-то крестьянин во божью церковь,
Он не молится-то богу от желаньца,
О души своей крестьянин не спашается,
Да он в тяжких грехах попу не жается.

(стр. 245)

¹ Подробнее об этом см. ч. III, стр. 272—273.

И еще один «грех» совершен крестьянином. Во время грозы, вместо того, чтобы пойти домой затеплить свечу и молиться, он остается на поле. Как же впал в такой «грех» крестьянин, о котором было известно, что

Он не вор, кажись, был не мошенничек,
Он не плут, кажись, был не разбойничек,
Не хлопотной был в суседах спорядовых;

(стр. 251)

Оказывается, что все «грехи» его сводятся к одному «греху» — он трудился, не зная ни праздников, ни будней.

Знаем-ведаем спорядны мы суседушки,
Была в живности твоя да как надеженька,
Вы не знали, спорядовыи суседушки,
Вы ни сзетлого христова воскресеньица,
Ни владычного господня божья праздничка,
Да вы в божью ведь церковь не ходили,
Да вы господу-владыке не молились,
Все ведь гнались за крестьянской работушкой...

(стр. 252)

Трагическая «вина» крестьянина в том, что он не молится, а трудится в поте лица своего — так Федосова приближается к раскрытию внутренней противоречивости христианства. Богу милы (по учению церкви) не голодные и забитые крестьяне, всеми силами борющиеся за свое существование, а тот, кто молится и спасает свою душу. Паразитическая по своей природе церковная идеология была всегда внутренне чужда трудовому крестьянству, и Федосова поэтическими строками замечательного причитания протестует против нее. Она не удовлетворена миром, полным зла и несправедливости. Она сетует на то, что Илья творит свое дело с ведома бога, но бог даже и не понимает, насколько Илья несправедлив. Совершенно так же в «Плаче о дяде родном» (№ 12) племянница покойного досадует на несправедливость богородицы — покровительницы семьи:

Я с досадушки, победная, зглянѣла,
На эту пресвяту мать богородицу...
Што ведь топится свеча до воску ярова?

(стр. 168)

Мысль о божьей несправедливости, по существу, снимает проблемы фатальной греховности человека. Бог неспра-

ведлив: он несправедлив — это важно отметить — по отношению к трудовому крестьянству.

Федосова была безусловно религиозна, как и подавляющее большинство крестьян того времени, но она ощущала трагичность крестьянской веры, инстинктивно чувствовала ее противоречивость. Протест Федосовой против «божьей несправедливости» приближал ее к социальному осмыслению религии, несправедливость которой, как мы говорили, направлена специально на трудовое крестьянство.¹

В связи со сказанным нельзя не вспомнить удивительное по своей исторической точности наблюдение Н. А. Добролюбова в статье «Черты для характеристики русского простонародья», опубликованной впервые в «Современнике» в 1860 г. (т. IX). Возражая против крепостнических по своему существу утверждений об извечной фатальности и пассивности крестьянского мышления, Н. А. Добролюбов ясно показал, что эти качества, усиленно прививаемые народу крепостниками, все больше изживаются крестьянством и, несомненно, уйдут в область прошлого вместе с крепостным правом. Он писал: «На разговор о том, как на свете правды не стало и как все в мире беззаконствует, можно в несколько минут навести всякую бабу. Правда, заключение разговора будет неотрадное: «все, дескать, это по грехам нашим, и видно уж так нам на роду написано, судьба наша такая несчастная, и ничего с нею не поделаешь»... Но говорится это больше по привычке и по бессилию; (а когда станешь продолжать разговор и предлагать средства для выхода из настоящего положения, то и окажется, что самая фаталистическая старуха не прочь бы ими воспользоваться, да только боится и не доверяется). У мужчин замечается тот же видимый фатализм, но это опять (не фатализм веры, а фатализм отчаяния)... (они отчаялись и смирились только видимо, а) внутри их непременно бродит желание и надежда выйти из этого положения».² Это на-

---

¹ См. близкие мотивы в сказке «Работник» в записи от А. К. Новопольцева (Садовников, № 87), в легенде, записанной М. М. Пришвиным от Г. Андрианова в 1904 г. (см. М. Пришвин «В краю непуганых птиц», ГИХЛ, 1934, стр. 132 и др.).

² Добролюбов Н. А., Собр. соч. в трех томах, т. III, ГИХЛ, М., 1952, стр. 105—107. В скобки заключено зачеркнутое цензором.

блюдение Добролюбова не было отвлеченным рассуждением; оно отмечало совершенно конкретный этап развития крестьянской идеологии. Подтверждение этому мы находим в творчестве Федосовой.

Уместно отметить и характерное отношение Федосовой к духовенству. Механически повторяющаяся во многих текстах благодарность попам за исполнение требы обычно переплетается у нее с просьбой быть умеренными в назначении цены за требу, умерить алчность, так как крестьяне бедны:

Вам злата за то надо или сѣребра?
Али красного вам надо да вель золота?
Али скатным возьмете да вы жемчугом?
(стр. 171)

Говорить стану печальная головушка,
Я вобще да всем попам—отцам духовным:
В золоту каяну попы не забирайтесь-ко...
Хоть не вкряте — помаленьку рассчитаемся;
(стр. 161)

С другой стороны, в «Плаче о попе — отце духовном» (№ 22) Федосова нарисовала свой идеал «попа—отца духовного» — «что нет, да такова попа не видно». Она верила в то, что может быть и «хороший поп». Это поп-крестьянин, работающий на земле наравне с другими крестьянами. По первому зову крестьян он готов в путь в ночь и в непогоду. Он выступает защитником крестьян от властей, когда крестьяне попадают в беду, противопоставляется «миродным голопузам» — старосте и писарю, вымогающим взятку под угрозой учинить судебно-медицинское следствие и т. д.

Насколько «хороший поп» Федосовой отличался от официального церковного идеала, можно судить хотя бы по раздраженному тону главы «Поп — отец духовный» в статье Н. Покровского «Рассказы из крестьянского быта», о которой мы уже говорили. Недаром и преподаватель Олонецкой духовной семинарии Барсов во вступительной статье к тому с пренебрежением отзывается о «несложных и поверхностных чертах», «в которых рисуется тип примерного попа—отца духовного». Повидимому, и его раздражал чересчур крестьянский облик «хорошего попа» Федосовой. Итак, Федосова самим образом «хорошего», «крестьянского» попа протестует против остальных — «плохих» попов. Идеализированное представление о «крестьянском» попе, с которым мы

встретились в творчестве И. А. Федосовой, было выражением пассивного, исторически ограниченного по своей сути и по своей форме, протеста против классового характера церкви, столь характерного для русского крестьянства, в среде которого в середине прошлого века были популярны идеи раскола беспоповского толка аристовцев, бегунов и т. д.

Г Л А В А 3

Мысль Федосовой искала не только причин грозных бедствий, одолевавших олонецких крестьян в середине прошлого века, но и стремилась найти выход из мира социальной (и «божьей») несправедливости. При этом, разумеется, необходимо учитывать, что при всей своей социальной конкретности мышление Федосовой, каким мы его знаем, было образным, поэтическим, а не политическим или философским мышлением.

Выше мы отмечали, что первая часть «легенды о происхождении Горя» из «Плача о писаре» рисует далекие времена, «золотой век» когда, как думалось Федосовой, социальная организация человечества была идеальной. Мы назвали эту социальную утопию, обращенную в прошлое, чрезвычайно характерной. Напомним в связи с этой идеализацией прошлого у Федосовой еще одно наблюдение Н. А. Добролюбова. Крепостники утверждают, — писал Н. А. Добролюбов, — что необходимость освобождения крестьян придумана «гуманными помещиками», в то время, как «мужик еще не созрел до настоящей (свободы), что он о ней и не думает, и не желает ее, и вовсе не тяготится своим положением, — разве уж только где барщина очень тяжела, и приказчик крут... Да и помилуйте, откуда заберется мужику в голову мысль о свободе? Книг он не читает (не только запрещенных, а и) вовсе никаких, (а ведь известно, что все это вольнодумство не от чего другого, как от книг происходит), с литераторами не знаком; дела у него довольно, так что утопий сочинять и недосуг...».¹

Этому мракобесному рассуждению Н. А. Добролюбов противопоставляет убеждение в силе и разумности народной мечты о свободе, которая, подобно скрученной

¹ Добролюбов, там же, стр. 97.

«спиральной пружине», сдерживается только «посторонней силой».

Тема «золотого века» была устойчивой темой в творчестве Федосовой. В первой части «Плача о писаре» эта тема выражена отвлеченно и условно. Трудно предположить, что Федосова, художественное мышление которой было столь конкретным, могла бы удовлетвориться таким неопределенным поэтическим узором.

О поэтическом образе Горя, скрывающегося от людей, которые живут в мире и согласии, мы уже говорили:

Во досюльны времена было годышки,
Жили люди во всем мире постатейныи,
Оны дꙋ-друга люди не терзали;
Горе людюшек во ты поры боялося,
Во темны леса от них горе кадалося;
Но тут было горюшку не мѣстечко:
Во осине горькой листье расшумелося,
Того злое это горе устрашилося;
На высоки эти щельи горе бросилося,
Но и тут было горюшку не мѣстечко:
С того щелье кременисто порастрескалось,
Огонь-пламя изо гор да объявилося;
Уже тут злое горюшко кидалося,
В окняи сине славно оно морюшко,
Под колодинку оно там запихалося;

(стр. 289)

Если для текстов I тома характерно социальное осмысление семейного несчастья, либо коллективного горя деревенской общины как социального гнета, то во II томе семейное и «крестьянское горе» — рекрутчина и солдатчина — предстает как результат *государственного гнета*. Именно поэтому социальная утопия, с которой мы встретились в «Плаче о писаре», получает во II томе определенные «государственные черты» и воплощается в многообразно выраженной «новгородской теме».

Олонецкие крестьяне, потомки черносозных крестьян Обонежской пятины, сохранили память о новгородских временах, как о поре, когда государство относительно меньше вмешивалось в дела крестьянского мира. Усиление экономического и политического гнета в последующие века связывалось крестьянами с «падением Новгорода». Это привело к идеализации прошлого, к забвению реальной тяжести крестьянской жизни в новгородское время. Так создалось иллюзорное представление о новгородской вольности, имеющее весьма относительные

исторические основания. Это представление питалось прежде всего идеализацией былой «самостоятельности» крестьянской общины, связанной с характерной неосвоенностью русского Севера Новгородским, а в XVI—XVII веках централизованным Русским государством.

Следует отметить, что в действительности крестьянская волость, община была относительно самостоятельнее как раз в первые века после вхождения новгородских земель в состав Русского централизованного государства, когда новгородские «боярщины» и часть монастырских владений перешли в собственность государства, т. е. боярина сменил не помещик (как это было в некоторых других местах), а само государство, и когда отсутствие помещика, стоящего между правительственными чиновниками и крестьянами вело к усилению роли и значения мирских организаций крестьян.¹ Следовательно, это надо еще раз подчеркнуть, воспоминания о «новгородской вольности» имели иллюзорный, условный характер. Всякое прошлое казалось лучше настоящего и считалось «новгородским».

Идеализация всего «новгородского» в творчестве Федосовой имеет глубокий и разносторонний характер. Любование «новгородским» образует специфический контрастный фон к изображению современных Федосовой тягот крестьянской жизни, оно проникает в лексическую ткань федосовских строк, создавая своеобразный ряд идеализирующих эпитетов. Например:

И со правой руки подѣл да мни злачѣн перстень,
А от сердечка опояску *новгородскую*,
И со кармана он платок да лавантеровой...

(т. II, стр. 34—35, 103 и др.)

И на хороших на санках самокатных,
И на славном коври *новгородском*...

(т. II, стр. 51)

И сахарни тебе есты приналажены,
И с *Новагорода* питья тебе доставаны...

(т. II, стр. 11) и т. д.

---

¹ См. Мюллер Р. Б., Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв., стр. 43. «Это не значит, конечно, — пишет Р. Б. Мюллер, — что карельский крестьянин освободился от феодалной эксплуатации. Но формы ее резко отличались от форм эксплуатации частновладельческих».

Новгород продолжает восприниматься как важнейший после Москвы политический центр, которым он перестал быть фактически уже в конце XV века.

И как на нашу-то Русию подселенную
И наступали-то злодии супостаты,
И ведь думали-то турки окаянныи,
И оны въехать-то в Русию подселенную
И разорить Москву оны да все великую,
И да разбить да оны крепость в Новгороде
(т. II, стр. 222)

Мать рекрута у Федосовой с тоской вспоминает о том времени, когда можно было рекруту убежать в «города незнакомыи», за «крепости *новгородскии*». О ненавистном солдатском начальстве говорится:

И как начальнички стоят да там не рускии,
И как сѹдьишечка ведь там не *новгородскии*;
(т. II, стр. 32)

И наоборот:

И я бы нашла писаречика разумного
Я разумна писаречика хитромудрого,
Хитроумна молодца *новгородского*,¹
(т. II, стр. 158)

В «Плаче по холостом рекруте» этот мотив «начальников не новгородских» развивается в весьма примечательную картину:

Как в досюльны времена да было годышки
И были людюшки ведь ё да запростейшии,
Уж как прежний-то народ да был ведь спѹцивой,
И новгородскии крестьянз не балбаливы,
И как судѹи да в тую пору правосудлѹзы,
И как властѹи да тогды были милосердныи,
И были времечка в ту порушку спокойныи,
И прозабыла ты, печальная головушка,
И што ведь времечко идет да ускоряется,
И пошли людюшки ведь ё да все балбаливы,²
И судѹи-власти-то пошли да скрозекозныи,
И начальники пошли да белорукии,
У них дочушки пошли да нечевухи:
И не ткиюшки оны да не прядеюшки,
И одно у их в умы, да одно в разуме,

¹ Вариант: И вы бы нашли писаречка хитромудрого
И со своей стороны бы вы да с Новгорода,
(т. II, стр. 225)

² Имеются в виду нечестные комбинации деревенских кулаков при рекрутских наборах.

И все белила-то у их да со румянами,
И как хвостом вертеть да как ногой тряхнуть;
И не знают-то, несчастныи, не ведают,
И што ведь дом вести — не головой трясти;
И как от этого велика беззакония,
И как от ихнего теперь неправосудья,
И на часу да все законы составляются,
И на минутой вси статьи да рассуждаются;
И мужиков-то все судить да добираются,
И их наглядко несчастных разоряют...

(т. II, стр. 49)

Здесь тема «новгородской вольности» дается в противопоставлении — тогда в «новгородское» время было не так, как теперь: народ был «спацливый» (т. е. ласковый, заботливый — см. т. I, стр. XVII «Словаря»), «запростейший», «судьи правосудливы», «власти милосердые», «времечка спокойныи», начальники не были «бездельниками», их жены — «белорукими» и т. д., словом, помимо очень общих и неопределенных сетований, говорится о все углубляющейся классовой дифференциации, при которой «власти», т. е. господствующие классы, все больше воспринимаются как «не русские» (см. выше).

С наибольшей полнотой «новгородская тема» выражена, естественно, в специальном плаче о тех временах, когда «Новгород ведь был неразореной и ко суду были крестьяне не приведены» (т. II, стр. XII). К сожалению, Барсов, возможно все по тем же цензурным соображениям, не опубликовал этот плач полностью. Отрывки из него дважды использовались Барсовым для иллюстрации его слащавых (в запоздало-славянофильском духе) рассуждений о «глубоких симпатиях заонежан к былому, древнерусскому быту» в статье «Памятники народного творчества в Олонецкой губернии»,¹ и в предисловии ко II тому «Причитаний Северного края».² В обеих статьях не указывается, от кого был записан этот текст. Однако, судя по всему, он принадлежит И. А. Федосовой. Об этом говорит прежде всего упоминание Толвуи в пересказе текста; кроме того, среди записей Барсова нет

¹ Записки Русского Географического Общества по отд. этнографии, СПб., т. III, 1873, стр. 515—522.

² Стр. XII—XIII.

ни одного текста из Заонежья, записанного не от И. А. Федосовой.¹

Барсов в обеих статьях привел четыре одинаковых отрывка из этого плача — всего 45 строк. По этим отрывкам, разумеется, трудно полностью реконструировать замысел Федосовой. В то же время не может быть сомнений в том, что это был один из наиболее резких в политическом отношении текстов, записанных Барсовым от нее.

В одном из этих отрывков с удивительным лиризмом рисуется тоска заонежан по «родной стороне» — Новгороду.

И как выйдут на крылечико церковное,
И как сглянут во подлетную сторонушку,
Тут защемит их ретливое сердечушко,
Сговорят оны ведь есть да таково слово:
Где ведь жалобно-то солнце пробакае,
Там ведь прежняя, родима наша сторона,
Наша славна сторона новгородская.

(т. II, стр. XIII)

Крестьяне вспоминают о новгородских временах, когда будто бы все дела решались миром по «справедливым законам»:

Тыи времечка прошли да невидаются
Тыи годы скоротались, не слыхаются...
.....
Буде што да в прежни времена случалось,
Соберется три крестьянина хоть стоющих,
Промеж дү-другом оны да рассоветуют,
Как спасти да человека-то помиловать,
По суду ли-то теперечко по божьему,
По этим ли законам праведливым.

(стр. XII)

Не менее интересен другой отрывок, в котором говорится о временах, когда крестьяне сами выбирали судей (здесь могли отложиться реальные «воспоминания о выборных крестьянских судейках» после земской реформы середины XVI века). Более того, в этих воспоминаниях видны следы действительно бывшего совпадения «выборных» должностных лиц со старшими в роде:

---

¹ Е. В. Барсов, насколько удается установить, в Заонежье не был — от Федосовой же он записывал, как известно, в Петрозаводске.

Были людюшки тогда да не штукавыи¹
Не штукавы оны были, — запростейшия;
Как судьи да в ту пору не молодьи,
Госжиты да мужики были почетныи,
Настойсливы оны да правосудливы.

(стр. XII)

Прошли эти времена — Новгород был razoren. В это время будто бы и вышли заонежане «в подсиверну сторонушку, на званы острова да эты Кижским, во славное во обчество во Толвую». Здесь еще раз ясно проступает смешение исторической перспективы, т. к. заселение Заонежья, в действительности, не было связано с «разорением» Новгорода, как это представлялось Федосовой. Возможно, что переустройство новгородских земель после включения их в состав Московской Руси вызвало новый поток беженцев на север, подальше от «властей». Однако ясно, что в целом мы имеем дело с исторически неверной оценкой глубоко прогрессивного факта воссоединения «новгородских земель» с другими землями русского централизованного государства.

Выселение на Север ненадолго спасло заонежцев, — говорится далее в плаче, — власти и здесь добрались до них. Еще давно будто бы старики предсказывали:

Ух, как это сине морюшко сбушуетя,
На синём море волна да порасхдитя,
Будут земскии вси избы испражнятися,²
Скрозекбзные судьи да присылатися;
Вси изменятся пустыни богомольныи,
Разорятя вси часовенки спасеныи —

(стр. XIII)

т. е. нарушатся «досюльные законы», «досюльное житье новгородское». Здесь нарушение «досюльных законов» снова выражено в конкретных формах событий середины XIX века — наступление на крестьянское самоуправление, учреждение института мировых посредников и преследование крестьян — староверов и сектантов староверческого толка, разорение староверческих «общешитий», келий, часовен (с новой силой вспыхнувшее именно в середине века — с 1859 г.). Заканчивается отрывок строками, говорящими о том, что это предсказание сбывается:

¹ Штукавые, т. е. чересчур ловкие.

² т. е. опустеют земские избы.

Сволновалось сине славное Онегушко,
Как вода с песком помутилася.
Тут вспомнят ведь малы недоросточки:
Теперь нонь да времена-то те сбываются
Как у старых стариков было рассказано.
(стр. XIV)

Анализируя «новгородскую тему» в творчестве Федосовой, мы постоянно отмечали иллюзорность, условность воспоминаний о Новгороде, историческую ошибочность этих «воспоминаний». Действительная ценность рассмотренной темы, конечно, вовсе не определяется ее исторической документальностью. Важно не то, насколько «новгородские времена» Федосовой походили на историческое Новгородское государство. Значительно важнее понять, какую роль играли эти «воспоминания» в мышлении Федосовой — олонецкой крестьянки середины XIX века. Активизация новгородских воспоминаний, прочно вошедших в устную традицию Заонежья, последовательная идеализация «новгородского времени» непосредственно связаны с теми же «реформами» 60-х гг., о которых говорилось выше. «Новгородская тема» в творчестве Федосовой так же рождена этой ситуацией, как и всякая другая тема в ее творчестве этих лет. Идеализация новгородского времени, настойчивая апелляция к этому, созданному воображением, «золотому веку» — новгородской «досюльщине» — были выражением зреющего стремления к разрешению противоречий настоящего.

В статье «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» К. Маркс отмечал, что большинству общественных движений допролетарской эпохи в минуты напряженных общественных кризисов свойственно было прибегать к «заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствовать у них имена, боевые лозунги, костюмы»¹ для осмысления настоящего. Как показывают плачи Федосовой, русские крестьяне пореформенной поры также искали свой идеал в прошлом вместо того, чтобы сознательно добиваться его в будущем. Их идеал социального устройства еще не был политическим лозунгом, он был более мечтой о безвозвратно ушедшем «золотом веке», о

¹ Маркс К., Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, Избр. произв., т. II, Госполитиздат, 1941, стр. 253.

«божьей земле», как писал В. И. Ленин в статье «Крестьянская реформа».¹ Однако и эта мечта таила в себе огромные возможности. Вспомним, что в «легенде о Горе» из «Плача о писаре» ясно говорится о виновниках разрушения этой «досюльщины». Таким образом, при всей смутности крестьянская утопия, отразившаяся в творчестве Федосовой, является поэтическим выражением протеста пореформенного крестьянства против социального устройства России второй половины XIX века.

Чрезвычайно характерно появление этой крестьянской уравнительной утопии, мечты о прошлых временах, когда «жили люди во всем мире постатейныи» (т. е. были равными, не притесняли друг друга — «Едины да все у бога люди созданы»), именно в первые пореформенные годы, когда русское крестьянство особенно остро испытывало на себе всю тяжесть сочетания новых капиталистических форм эксплуатации с многочисленными феодальными, крепостническими пережитками. В. И. Ленин, отмечая реакционность уравнительных идей в революции 1905 г., как «попытки искать позади, а не впереди, решения задач социалистической революции», вместе с тем писал: «При борьбе крестьян с крепостниками-помещиками самым сильным идейным импульсом в борьбе за землю является идея равенства, — и самым полным устранением всех и всяких остатков крепостничества является создание равенства между мелкими производителями. Поэтому идея равенства является самой революционной для крестьянского движения идеей не только в смысле стимула к политической борьбе, но и в смысле стимула к экономическому очищению сельского хозяйства от крепостнических пережитков».²

Г Л А В А 4

Основная тема II тома сборника И. А. Федосовой — рекрутчина и солдатчина.

Как уже говорилось в I томе, горе крестьянской семьи или общественное горе деревенской общины осмысливается как горе социальное, как результат **социального гнета**. Во II же томе семейное и «крестьянское» горе предстает как следствие **государственного гнета**, т. е. не

¹ Соч., т. XVII, стр. 98.

² Соч., т. XII, стр. 317 (подчеркнуто нами — К. Ч.).

просто отдельные чиновники — «судьи неправосудные» или «начальники» — офицеры, но и все государство, включая главу государства — царя, осознается, как чуждая социальная сила. Это несомненно и обусловило исключительную политическую остроту текстов II тома, так высоко оцененных В. И. Лениным.¹

Не случайно, только через 14 лет после встречи с Федосовой, Барсов решился опубликовать записи рекрутских причитаний. Барсову казалось, что прошел достаточный срок для того, чтобы эти тексты воспринимались как отражение далекого прошлого. После казни Александра II народовольцами 1 марта 1881 г. официальная печать потратила немало усилий на создание легенды о «царе-освободителе», упорно замалчивая факты жесточайшего подавления русского общественного движения — расправы с крестьянами, не принимавшими «освободительной» реформы, гонения на прогрессивную печать, кровавую расправу с польским освободительным движением, «подвиги» Муравьева-вешателя и Лорис-Меликова, ссылку Чернышевского, аресты Михайлова, Писарева, Шелгунова и т. д. Официальная печать, а вслед за ней и значительная часть либеральной печати, на смерть напуганная мартовскими событиями, на все лады восхваляла «освободительные мероприятия» Александра II, искажая их действительный смысл, возводя казненного царя в ранг перворазрядного русского святого.

Барсов подписал вступительную статью II тома I марта 1882 года, т. е. в день первой годовщины «1 марта», когда восхваления Александра II в официальной печати вообще уже не имели никаких границ. В «восхвалительном» стиле написана и значительная часть вступительной статьи. Барсов пытался представить тексты Федосовой как иллюстрацию «освободительного значения» реформы Александра II. Об этом же свидетельствует и отзыв вполне официально настроенного П. Д. Голохвастова в письме к И. С. Аксакову: «Если успею, напишу статью о II томе Барсовского сборника «Причитания рекрутские».² Том только что вышел, я читал его на же-

¹ См. Буденный С. М., Боец-гражданин, Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, стр. 16. Говоря о «сказаниях и песнях», В. И. Ленин имел в виду, очевидно, не только причитания, но и рекрутские песни и «рассказы про беглых рекрут», помещенные в том же томе.

² Насколько нам известно, это намерение не осуществилось.

лезной дороге и ушел в отдельное купе потому, что то и дело не мог от слез удержаться читая: совестно было сидеть и плакать в общем вагоне. Посвящение покойному государю, прекратившему эти ужасы, помечено 1 марта. Так и буду писать. Вот одна из его реформ, а его убили».¹

В действительности же и посвящение и вступительная статья и отзыв П. Д. Голохвастова были в резком противоречии с текстами, звучавшими и после «военной реформы» Александра II (1863—1874 гг.) не менее актуально, чем до нее. Через 5 лет после выхода в свет II тома сборника Барсова, Агреева-Славянская записала совершенно аналогичные по своему идеологическому смыслу тексты, которые, однако, не были механическим повторением записанного Барсовым. В них слышатся отголоски военных событий 1876—1878 гг.²

Следовательно, Барсов не имел никаких оснований утверждать, как он это делает в «посвящении», будто «причеть рекрутская и завоенная отныне прекратилась с рекрутским обрядом».³ Причеть вовсе не исчезла после «военной реформы» 1874 г., как не прекратился и сам «рекрутский обряд»,⁴ более того, она не претерпела существенных изменений. «Военная реформа» сократила срок службы в армии, отменила наиболее зверские формы телесных наказаний, но не изменила жестоких армейских порядков и, тем самым, не могла изменить отношения народа к солдатчине. При относительной прогрессивности этих реформ все же армия сохранила старый крепостнический дух. Попрежнему офицерами были дворяне, а «серая скотинка», как дворяне называли солдат, бралась из крестьян, из «податного сословия».

Следует также отметить, что во вступительной статье и посвящении ко II тому Барсов замалчивает и другое важное обстоятельство — к 1868 г., т. е. году записи текстов, составивших сборник, Александр II процарствовал уже 13 лет и, следовательно, был в полной мере

¹ Переписка П. Д. Голохвастова с И. С. Аксаковым о «Земском Соборе», Русский архив, 1913, № 1, стр. 100.

² См. напр., «Плач матери об убитом на войне сыне» (№ 17) и т. д.

³ 2 стр. посвящения.

⁴ См. напр. запись рекрутского обряда у Агреевой-Славянской, т. III, стр. 71—76.

ответственен за те ужасы рекрутчины и солдатчины, которые изображаются Федосовой.

Как бы ни старался Барсов расписывать любовь народа к «своему царю»,¹ тексты, следующие за вступительной статьей, опрокидывают ее положения. Виновником страданий рекрута, солдата и несчастий сиротеющей семьи вместе с местными «властями» и «командерами» всегда называется и сам царь. Солдатчина иначе не именуется, как «грозна служба государева»,² «злодейна служба государева»,³ «горе-служба государева»,⁴ набирают рекрут по «указу государеву»,⁵ ведут рекрут в «принём государев»⁶ (призывной пункт), «жандармы государевы»,⁷ измеритель роста в «принёме» называется «мера государева». Горюющая мать или жена рекрута, проклиная «службу государеву»,⁸ говорит о рекрутах:

И хоть не скованы да резвы у их ноженьки,
Только скованно ретливое сердечушко;
И хоть не связаны бурлацки бёлы рученьки,
И обрестованы указом государевым.

Рассуждения Барсова являют собою поучительный пример тенденциозного искажения смысла народного творчества, нередкого в практике буржуазно-либеральной науки. Наиболее сильный довод, к которому прибегает Барсов, это выражение «царь-бог русский», действительно употребленное Федосовой. Какое же значение придавала Федосова этому выражению? Внимательный просмотр II тома показывает, что оно встречается всего четырежды. Два раза — в связи с присягой, к которой приводится рекрут в церкви,¹⁰ причем здесь выражение «царь-бог русский» звучит как прямая цитата из текста присяги. Например:

¹ Т. II, стр. XXVII.

² Т. II, стр. 1, 3, 24, 27, 37, 39, 46, 60 и др.

³ Там же, стр. 14, 26, 28, 36, 37, 45, 46, 61, 66 и др.

⁴ Там же, стр. 36, 74.

⁵ Там же, стр. 2, 6, 50, 97, 105 и др.

⁶ Там же, стр. 17, 214.

⁷ Там же, стр. 13.

⁸ Там же, стр. 12, 15.

⁹ Там же, стр. 107, 117 и др.

¹⁰ Там же, стр. 26, 75.

И тут сводили в божью церковь посвященную,
И приводили их к присяге вековечной;
И выше головы кресты они вздымали,
И свою сторону солдаты забывали,
И отца-матушку рекруты проклинали:
«И мы служить будем царю-богу руссийскому,
И мы стоять будем за веру христианскую;
И мы не сделаем измены в каменной Москве,
И мы спасать будем Россею подселенную,
Мы оружице держать да на правом плече
И саблю вострую держать до во правой руке».

(т. II, стр. 75)

Третий и четвертый раз то же выражение встречается в речи наследника, приехавшего на фронт:¹

И говорит да тут наследник умильную речь:
«И вы палите-тко, ребята, не дробите-тко,
И послужите-тко за веру христианскую,
И пожалуйте-тко царя-бога руссийского,
Прогоните-тко злодия-неприятеля...»

(т. II, стр. 258)²

Крестьяне, изображаемые Федосовой, вовсе не молятся за царя, как утверждает Барсов, они ищут у бога защиты от царя, от исполнителей его воли, от его «указов» и его «службы».³ И если в I томе можно было встретить:

Кабы ведали цари да со царицами...
Про несчастную бы жизнь нашу крестьянскую! —

(стр. 293)

то в контексте II тома невозможна такая апелляция к царю, который мыслится одним из главных виновников несчастий рекрута и его семьи.

Федосова вырисовывает одну за другой поразительные по своей яркости и мастерской детализации картины жизни «казенного человека» (крестьянина, которому суждено служить в солдатах) — от его рождения до проводов в армию и от превращения его в солдата до возвращения домой, после «службы государевой».

¹ Повидимому, речь идет о Крымской кампании.

² См. также стр. 186.

³ См. стр. 3, 10, 46, 60, 69, 98 и др.

Историко-социальный смысл рекрутско-солдатской темы в творчестве Федосовой, как уже говорилось, заключается в истолковании семейного горя как горя социального, как результата государственного гнета.

«Военная реформа» Милютина 1874 г., как известно, не была единственным мероприятием царского правительства в этой области. Она явилась последним этапом реорганизации армии, начавшейся еще в 1862 г. Реорганизация армии проводилась крепостническим правительством крайне неохотно. В пору напряженнейшей политической ситуации в стране армия была жизненно необходимой опорой правительства. Поэтому к перестройке ее советники Александра II относились с особой осторожностью, старались затянуть ее на возможно более долгий срок. Однако, как бы проведение ее ни затягивалось, реформа была необходимой: в войне 1853—1856 гг. николаевская военная система доказала свою полнейшую несостоятельность. Кроме того, ярко выраженный крепостнический характер русской армии требовал преобразования ее в духе других реформ 60-х гг.

Военная реформа 1862—1874 гг.¹ была, как и все реформы этих лет, буржуазной реформой, проведенной крепостниками.

1862 г. принес мало облегчения и солдатам, и деревне, поставлявшей солдат. Офицерам попрежнему разрешалось бить солдат, николаевская муштра оставалась основой военной подготовки. В эти годы для солдат, обманутых ожиданием «воли», избиения и муштровка были не менее тяжелыми и оскорбительными, чем запрещенная теперь «зеленая улица» — сквозь строй. Сокращение срока службы, конечно, имело большое значение, однако срок ее — 15 лет — все же оставался достаточно долгим. Отслуживший солдатчину крестьянин возвращался в деревню физически сломленным человеком, его деревенское хозяйство за время его отсутствия при-

---

¹ Начало реформы было положено докладом Военного Министерства 15 января 1862 г.; 1 января 1874 г. — дата проведения в жизнь последней реформы, — «всесословной воинской повинности» — см. П. А. Зайончковский, *Военные реформы 1860—1870 гг. в России*, Издательство Московского университета, 1952.

ходило в совершенный упадок.¹ Кроме того, сокращение срока службы повело к резкому учащению рекрутских наборов — они стали почти ежегодными. Так, наборы с «обеих полос империи» (в том числе и в Олонецкой губернии) производились подряд в 1866, 1867 и 1868 гг.² Федосова сумела уловить эту особенную тяжесть солдатчины в годы затянувшейся военной реформы.

Более точная датировка текстов II тома представляет значительную трудность. «Плач по холостом рекруте» (№ 1) и «Плач по рекруте женатом» (№ 2), возможно, возникли в годы записи — в 1867—1868 гг. или незадолго перед этим. В этих двух текстах обращает на себя внимание частое упоминание Петрозаводска не только как пункта, куда родные отправляют рекрута, но и как места действия. В «Плаче о холостом рекруте» «соседка, у которой брат в солдатах», рассказывает о злключениях рекрутов в Петрозаводске, о разгоне плачущих женщин и т. д.³ Повествование это ведется с такими подробностями, которые не оставляют сомнения в том, что Федосова была очевидицей всех этих печальных событий. Следовательно, сообщая Барсову эти тексты, Федосова воспользовалась не только кузарандскими впечатлениями, но и своими наблюдениями в «петрозаводский период» (1864—1868) жизни.

Два других текста II тома — «Плачи при провах солдата с побывки» (№ 3) и «Плачи при побывке солдата на смерть своего отца» (№ 4) — можно датировать более определенно. Они основаны на каких-то воспоминаниях Федосовой о событиях, происходивших между 1856 и 1863 гг. В «Плаче при провах солдата с по-

---

¹ Напомним, что как раз в 1863 г. Некрасов написал «Орину, мать солдатскую». Сын Орины — Иванушка прослужил восемь лет, и этих восьми лет хватило, чтобы «выйти в бессрочные» «богатырского сложения здоровенному детинушке» и совершенно разориться его хозяйству. Некрасов, как нам кажется, не случайно называет половину нового срока службы в армии, показывая, что и его вполне достаточно. См. об этом в статье: К. В. Чистов, «Некрасов и народное творчество (задачи изучения)», в сб. «Некрасовский сборник», т. I, Л., 1951.

² См. опись фонда губернского по крестьянским делам присутствия (ф. 24—1), Гос. Архив КФССР, св. № 17, 20 и др.

³ Т. II, стр. 31, 37, 55, 162, 169 и др.

бывки» рассказывается о приходе солдата домой после войны с турками:

И как на нашу-то Русию подселённую
И наступали-то злоднн супостатннн,
И ведь думали-то турки окаянннн
И оны въехать в Русню подселенную и т. д.¹

Царь, отпустивший солдат на побывку после того, как «война усмирилась», называется то «царем», то «наследником».

И милосердый-то наследник сжаловáлся;
Уже он дал нам билеты подомóвын,
И отпускар да на родину нас на родинку...²

Совершенно так же рассказывается о приезде «наследника» на фронт и во втором плаче.³ Как известно, Александр II именно во время войны 1853—1856 гг. из «наследника» превратился в «царя». Кроме того, в «Плаче при побывке солдата на смерть своего отца» рассказывается об отпуске солдата на побывку после заключения мира и возвращения войск на родину.⁴

С другой стороны, события, изображаемые в обоих «плачах», не могли произойти позже 1863 г. В плаче № 3 рассказывается о солдате, который отпущен на год после 15-летней службы, следовательно срок службы еще 25-летний, как это было до 1863 г.⁵ В этом же тексте рассказывается о запарывании насмерть и о проведении «сквозь строй», запрещенном в 1863 г.:

И на ученьице, родитель, на мученьице
И уже бьют да нас, победных, без повинности,
И до ран да бьют, родитель, до кровавых,
И до умертвия, победных, бьют головушек,
И скрозе строй гонят, несчастных нас, солдатушков
и т. д.⁶

Может показаться, что наши попытки датировать рекрутские тексты Федосовой напрасны. Могла ли, действительно, Федосова, которая, при всей своей одаренности, оставалась неграмотной олонечкой крестьянкой, знать, в

¹ Т. II, стр. 222.

² Там же, стр. 185.

³ Там же, стр. 258—259.

⁴ Там же, стр. 259.

⁵ Там же, стр. 204.

⁶ Там же, стр. 220.

каком именно году были совершены те или иные преобразования в армии? Однако, по существу, это и не важно. Конкретность поэтического мышления Федосовой заставляет задуматься над каждым из текстов Федосовой, попытаться определить, когда мог произойти именно тот случай, о котором вспоминала Федосова, импровизируя Барсову для записи.

Таким образом, мы приходим к выводу, что тексты II тома в основном воспроизводят факты конца 50-х и 60-х гг. XIX в. Более ранние воспоминания Федосовой выступают с некоторым наслоением петрозаводских впечатлений; эти впечатления более поздних лет несколько не противоречат социальному смыслу передаваемых Федосовой основных фактов, наоборот, они расширяют ее поэтические возможности, обогащая ее знанием того, что происходило с рекрутами в Петрозаводске после «забрития».

Однако Федосова умела изображать не только виденное глазами. Совершенно поразительна ее способность проникаться смыслом известного «понаслышке». Нужно было обладать действительно незаурядной силой поэтического воображения, чтобы воспроизводить жизнь солдата с такой полнотой и с такими деталями, какие мы находим у Федосовой. Несмотря на то, что, как она говорит сама, она «не была во службы государевой, и не ходила по походам... солдатским»,¹ — в ее творчестве нашли свое отражение все основные моменты службы «казенного человека».

Например, солдат гонят на учение в зной и в холод:

И хоть студеная холбдна эта зимушка,
И хоть плящии морозы неудобнии,
Хоть на улице — погода непомерная,
Хоть буйны ветры с снежком идут перистым,
И столько нас бедных солдатушков бессчастных —
И на ученье нас гонят тут на улочку,
И на гладкое на чистое на полюшко;
.....
И на ученье стоим да день до вечера,
И с руки на руку оружье перекладываем —
И с ноги на ногу ведь мы да переступываем,
И справа налево ведь мы да все поворачиваем,

¹ Т. II, стр. 37.

И выше головы оружие подымаем,
И поскорешеньку оружие заряжаем.

И хоть оружища у нас да все промахнется,
Аль плечо с плечом у нас да все не сойдется,
Аль ступня с ступней у нас да не сровняется,
И тут заметят кумандеры-то ведь ротные,
И по белу личу дают да нам затрещенье,
Аль по головы дают оны заушенье, —
Аль под белую-то грудь оны подтычину.¹

Бессмысленная муштра соединяется с требованием внешнего лоска:

И наб в умы держать бесчастным тут солдатушкам:
И как начальству нам победнушкам явится,
Штоб мондеры сукон серых наглажены,
И как оружище ведь были бы начищены,
И сабли вострыи ведь были бы наслётлены и т. д.²

С такими же подробностями рисуются ею и походы, и ночное стояние на часах, и «сраженьице», на которое гонит солдат безжалостное начальство.

Вместе с тем Федосова с гордостью рисует высокие боевые качества русского солдата, его смелость и выносливость:

Шаги делаем ведь мы да по-звериному,
Уж мы хоботы даем да по-лисиному;
И где нет пути-дороги, тут протариваем,
И где мхи да болота — тут орлом летим.
И на злодея мы, солдаты, наступали,
И за горы да супостата прогоняли...³

Тут одна рука не може, другая пали,
Тут одна нога упала, другая стои;
И раззудилося плечо да расходилося,
И бурлацкое ведь сердце не устёрчиво:
И где ведь пулей неймём, там грудью берем,
А где грудь не берё, душу богу отдаем.⁴

Развернутое изображение тягот солдатской жизни неизменно сопровождалось у Федосовой четким осмыслением классового характера современной ей русской армии. Тяготы жизни «казенного человека» показываются Федосовой как прямой результат социального гнета, как

¹ Т. II, стр. 201—202.

² Там же, стр. 203, то же — стр. 39 и др.

³ Там же, стр. 259.

⁴ Там же, стр. 207.

один из видов «скрозекозной» деятельности ненавистных «властей». Армейские командиры — представители того же класса, что и «судьи неправосудные», с которыми солдату приходилось иметь дело дома, в деревне.

Не только ненавистью, но и прямым презрением труженика-крестьянина к паразитическому классу «ярыг скрозекозных» звучат следующие строки Федосовой:

И начальнички пошли да все бездельные,
У их женушки пошли да белоручки,
У их дочушки пошли да нечевухи:
И не ткиюшки оны да не прядеюшки и т. д.¹

И да што я скажу, победная головушка,
И я про этих злодиев супостатных,
И я про этих вертунов да самохватных,
И я про этих тонконог да вихреватых;
И как несчастны ведь, злодеи неталанни;
И как у этих хватов — да подтяни нога,
И как у этих вертунов — да пощипи рука,
И нету душеньки у их да во белых грудях;
И нету совести у их да во ясных очах;
И нет ума-то у их да в буйной головы...²

Презренные бездельники «изъезжаются»³ над солдатами, истязают их, запарывают их до смерти,⁴ походя раздают «подушенья» и «подтыченья» без малейшей провинности:

И уже бьют да нас, победных, без повинности,
И до ран да бьют, родитель, до кровавых,
И до умертвия, победных, бьют головушек,
И скрозе строй гонят, несчастных нас, солдатушков.
И не доносят тут ведь резвы наши ноженьки,
И доведут-то нас солдатушки несчастны;
И тут мы падем от побоев о сыру землю,
И тут ряхнемся ума-разума в головушке;
И мы не чувствуем ведь добрых-то людюшек,
И мы сами себя с побоев тут не ведаем,
И на плечах да мы не слышим тонко-белых рубашечек⁵
и т. д.

Офицеры обдирают солдат как могут. Взяткой можно откупиться от службы,⁶ добиться встречи с родными.⁷

¹ Т. II, стр. 49.

² Там же, стр. 225—226.

³ Там же, стр. 37.

⁴ Там же, стр. 37, 38, 41, 204 и др.

⁵ Там же, стр. 220—221.

⁶ Там же, стр. 50, 99.

⁷ Там же, стр. 55.

В армии господствует воровство, поэтому солдат так плохо кормят.¹ Солдатам некому пожаловаться — их челобитная не дойдет до царя, командиры «обыщут солдатушков несчастных» и «изорвут гербовую бумажонку».²

Нарисовав живую картину дореформенной армии и флота,³ осмыслив тяготы «казенного человека» как результат социального (государственного) гнета, Федосова призывает гнев божий на головы насильников и притеснителей,⁴ она проклинает их, готова резать их той бритвой, которой обриваются головы рекрутов:

Быдьте прокляты злодии — супостаты!
Вергай — скрбзь землю ты нехристь вся поганая;

И кабы — мне да это бритва наостренная,
И не дала бы я злодийной этой некрести
И над моим ноньку рождением надрыгаться;
И распорала бы я груди этой некрести...

(II, стр. 74—75)

Если в «Плаче о старосте» Федосова гневно проклинала «судей неправосудных», олицетворяющих в ее сознании бедствия пореформенных лет, призывала на их головы «божий гнев», страстно желала им всех несчастий, какие только может пережить человек, то здесь крестьянский протест против несправедливостей общественного строя пореформенной России находит свое предельное выражение. Строки, процитированные выше, могли быть начертаны на знамени любого крестьянского «бунта» 60—70-х гг. XIX века.

Г Л А В А 5

Во всех рассмотренных выше случаях социальные антагонисты крестьянства или определенных его групп выступают (или познаются) в качестве виновников несчастья — смерти, отправки в солдаты, страданий солдата, несчастий осиротевшей семьи и т. д. Индивидуальное, единичное несчастье осмысливается при этом как социально-типичное, характерное для всего крестьянства. Это, безусловно, основная линия развития социального

¹ Т. II, стр. 203.

² Там же, стр. 225.

³ О флоте см. стр. 77—78.

⁴ Там же, стр. 32.

протеста в творчестве Федосовой, но она не исчерпывает всех сторон социального осмысления крестьянского горя в ее творчестве.¹ Власти — «судьи неправосудные», олицетворяющие социально-враждебную силу, подчас не только виновны в несчастьи, но и стремятся всячески воспользоваться несчастьем крестьянской семьи в корыстных целях. Мало того — они глумятся над горем осиротевшей семьи, бесчеловечно оскорбляют горящих и т. д. Глумление «начальства» над несчастьем приобретает различные формы, но чаще всего оно связано с необычной смертью оплакиваемого — гибелью на озере, внезапной смертью ребенка, поражением молнией, смертью от запоя и т. д. Судебные и полицейские власти грозят семье судебным следствием (хотя причина смерти совершенно ясна), нарочито подозревают горящих в умерщвлении покойного, угрожают судебно-медицинским вскрытием тела и т. д.

Чуткое ухо Некрасова не могло не уловить предельной трагичности этой темы в творчестве Федосовой. В эпизоде «смерть Демушки» в главе «Крестьянка» эпопеи «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов, как уже отмечалось, обобщил эту тему Федосовой и довел ее разработку до логического конца, найдя для нее самостоятельное сюжетное воплощение.² Вместе с тем «смерть Демушки» — не только обобщение социального и психологического смысла этой темы у Федосовой, но и продолжение известной литературной традиции. В этом отношении эпизод с Демушкой перекликается с известным стихотворением Некрасова «Похороны» (1861 г.).

Укажу еще на один классический пример изображения выжимания взяток под угрозой следствия о «мертвом теле». В XV главе «Былого и дум» А. И. Герцен дважды рассказывает о подобных случаях: «Начнется следствие о мертвом теле какого-нибудь пьяницы, сгоревшего от вина и замерзнувшего от мороза, — пишет А. И. Герцен, — и голова собирает, староста собирает,

¹ Социальное осмысление рекрутчины и солдатчины в пору затянувшейся военной реформы 60—70-х гг. развивается не только в указанном плане, Федосова хорошо понимает и социальную роль рекрутчины в самой деревенской жизни. Этот аспект рекрутско-солдатской темы будет анализироваться нами в 5 главе.

² См. об этом ч. I, стр. 104.

мужики несут последнюю копейку. Становому надобно жить; исправнику надобно жить да и жену содержать; советнику надобно жить да и детей воспитывать; советник — примерный отец...».¹ И далее рассказывается о том, как исправники и становые поступают в таких случаях: «Попадетя ли мертвое тело исправнику со становым, они его возят две недели, пользуясь морозом, по вотским деревням, и в каждой говорят, что сейчас подняли и что следствие и суд назначены в их деревне. Вотяки откупаются».²

Постоянный страх перед судебным следствием преследует горюющих родственников во многих плачах Федосовой. Среди них следует прежде всего назвать «Плач об убитом громом-молвией» (№ 16), «Плач об у пьянсливой головушке» (№ 19), «Плач о потопших» (№ 17) и «Плач о попе — отце духовном» (№ 22). Этим страхом пользуются «судьи неправосудные», запугивают крестьян, вымогают взятки.

Однако для Федосовой важно осудить не только выжимание взяток, но, прежде всего, оскорбление чувства горюющих допросом, невыносимое для них надругательство над дорогим телом покойного. Крестьянки в текстах Федосовой готовы откупиться всем, лишь бы избежать глумления. Поэтому в текстах Федосовой нет ни одного случая, когда бы они не откупались от грозящего следствия.

«Неестественная» смерть крестьянина грозит несчастьем всей общине. В «Плаче об убитом громом-молвией» (№ 16) овдовевшая возвращается в село и объявляет о своем горе:

Объявила тут суседям спорядовым,
Как наделала тревоги всему обчеству,
Беспокойства-то крестьянам православным,
Караул да к телу мертву полагали,
К становому тут нарочных отправляли.³

То же и в «Плаче об у пьянсливой головушке» (№ 19):

Удивились все спорядные суседушки,
Што незгода сочинилась вдруг великая;

¹ Герцен А. И., Былое и думы, ГИХЛ, Л., 1946, стр. 135. Ср. у А. С. Пушкина в стихотворении «Утопленник»:

Суд наедет, отвечай-ка,
С ним я ввек не разберусь...

² Там же, стр. 141.

³ Барсов, т. I, стр. 249.

Проклинают его добры эти людюшки,
Што наделал суматохи он всему миру;
Беспокоится по темным наб по ноченькам,
Наб сидеть им тут у тела запитуемого,
Наб отправить объявление во Петров город,
Наб предложить-то ведь лекаря умильного
Ко этому телу его мертвому.¹

Поэтому соседи не только из сострадания, но и из стремления предотвратить нежелательный для всей деревни проезд властей, советуют вдове откупиться, дать взятку начальству, предупредить начало следствия:

Приедут как судьи неправосудныи,
Будут патрошить надежную головушку,
По частям резать по мелким кусочкам;
Как распорют его грудь да эту белую,
Как вынут то сердечушко ретливое,
У тебя тут у печальной у головушки,
Обмирать да стане зяблая утробушка,
Буде жаль тошно надежной головушки.
Ты послушай же, спорядная суседушка:
Не жалий бедна любимой покругушки,
Заложи — снеси крестьянину богатому,
Ты проси да золотой казны по надобью,
Запродай свою любимую скотинушку,
Забери да золотой казны бессчетной:

Штоб надежоньку твою не патрушили,
Штоб белой его груди не пороли,
Штоб сердечушко его не вынимали,
Штоб назолушки тебе не надавали,
Штобы придали ко матушке сырой земле
Телеса-то бы его да без терзанья.

(стр. 249—250)

В «Плаче о потопших» (№ 17) оскорбительность допроса показана с особенной силой. Девушка, перенесшая гибель отца и брата, скитавшаяся по безлюдному острову в ожидании голодной смерти, спасена рыбаками и радуется своему возвращению. Но как только она появилась на берегу,

Все собралися суседи спорядовныи,
Объявили тут властям да оны сельским;
Приходили писаречки хитромудрын,
Садилися к столу да ко дубовому,
Вынимали лист бумаженьки гербовой,
Меня спрашивать тут стали да выведывать,² —

¹ Т. I, стр. 279.

² Там же, стр. 261.

как случилось, что одна только она спаслась? Не потопила ли она утонувших? и т. д.

Протокол допроса отправляется «по инстанции», и несчастная девушка ждет приезда станового, она не знает за собой вины, но не уверена в исходе следствия:

Как приеде становой да все начальничек,
Он куды кладет победную головушку,
Меня сошлют со родимой, може, родимки,
Буду странствовать, бедна, слезно плакать,
Уж как я бедна, кручинная головушка,
По горям теперь, победнушка, по позорам,
По допросам-то пошла да по велкимим.¹

Приезжает становой, и допросы начинаются заново. Против ожидания становой верит девушке и прекращает следствие. Это воспринимается как чудо.

В другом плаче «Об упрясливой головушке» (№ 19) исход следствия также благополучен, но оскорбительно для вдовы само подозрение в отравлении покойного. Вдове кажется неожиданным и странным, что исправник

Не страшал... победну, — не полохал,

что он «рассудил по-хорошему» и т. д.

Та же тема «глумления» над несчастьем звучит в рекрутских причитаниях. «Начальство» не понимает происходящего в душе рекрута и провожающих, оно не дает им даже проститься при расставании:

И нам не дали-то судьи неправосудным
И расставаться столько времечки на два часа
И постоять да нам победным подумать —
И посоветовать с любимыма семеюшкам;
И как лучиночку скорошенько сломили,
И так в поход бедных солдатов снарядили.²

Они не дают проститься с родными и солдатам, отправляющимся в поход.

И как на нас да на победных головушек
И быдто белочки солдатушки поглядяют,
И быв упялы серы заюшки посматривают,
И не посмиют-то упялы добры мблодны
И с ноги на ногу оны да все переступить
И скинуть лених бесщастных своих бчушек.³

¹ Т. I, стр. 261.

² Т. II, стр. 138—139, то же, стр. 17 и др.

³ Там же, стр. 33.

Федосова рассказывает о возмутительном случае бессердечного издевательства над горящими женами и матерями, произошедшем в Петрозаводске:

И поблизешеньку ведь нас не подпускают,
И как злодии — командиры скрозекозныи;
И нету душеньки у их да во белых грудях,
И нету совести у их да во ясных очах,
И нет креста-то ведь у их да на белой груди;
И немоготу им умильно причитанье,
И им по сердцу горячи наши слезушки;
И как приставлены судьи да все немилосливы,
И тут привозят они бочки с ключевой водой,
И тут над нама-то оны да надрыгаются;
И как начальнички стоят да там не русскии,
И как судишечка ведь там не новгородскии;
И велят оны из труб да все пожарных
И нас окачивать победных головушек,
И все тушить пожар в ретливых сердечушках.¹

Воспоминание об этом случае вызывает у Федосовой взрыв негодования, который соединяется вместе с тем с характерным призывом к богу:

Ох, тошнехонько победным нам головушкам;
И немоготу, нам се-светное живленьице
И от этих властей да страховитных,
И все от этих судей да скрозекозных,
И суди, господи, злодиям супостатым,
И за их тяжкии велики беззакония!
И ты услышь наши молитвы изутробнии,
И ты узри да наши слезы горегорькии!²

Начальство глумится не только над горем провожающих, не менее бессердечно оно и по отношению к солдатам. Прогоняя их «мимо палату генеральскую», приказывают петь веселую песню.

И столько днется солдатушкам несчастным,
И им писенки запить да не хотелось бы;
И ущемлят у их ретливое сердечушко,
И обмирает у их зыблая утробушка;
И впереди идут все дядьки да со старшима,
И позади идут ведь крепки караульщицки,
И среди да музыканты с барабанами;
И как по городу идут оны тихошенько,
И скрозь слезы поют жалку оны писенку.
И скрозь обидушку словечка выговаривают,
И не мешаются, ногами-то выступают,
И ретливо сёрдчѣ ведь кровью запечатано.³

¹ Т. II, стр. 32.

² Там же.

³ Там же, стр. 34.

«Командеры» не верят, что солдаты и их родные переживают свое горе так же, как и все остальные люди:

И все не вилят-то судьи неправосудны,
Не разумиют все власти немилосерды,
Што нам жаль-тошно сердечных милых детушек!¹

Это беглое замечание Федосовой делает честь ее уму и наблюдательности. Утверждая устами старосты, что

Едины да все у бога люди созданы,²

она отмечает, что «судьи неправосудные» не только сознательно используют в корыстных целях горе крестьянина, бесчеловечно глумятся над ним, они — люди иного мира, не понимают и не способны понять горе крестьянина.

Итак, тема «глумления начальства над крестьянским несчастьем» пронизывала значительную часть текстов Федосовой. Социальное осмысление этого глумления заставляло ее негодовать на бесчеловечность «судей неправосудных», стремящихся поживиться за счет горящих, не понимающих и не желающих понять, как оскорбляют они тем самым их чувства. Трагическая сила этой темы в творчестве Федосовой, так чутко уловленная Некрасовым, заключалась не только в показе того, как социальный враг безжалостно наносил еще один удар в самые тяжелые для крестьянина минуты, но и в самом понимании того, что взаимопонимание между «судьями скрозекозными» («командерами») и народом по существу невозможно.

Г Л А В А 6

Как было показано в предыдущих главах, творчество Федосовой широко отразило взаимоотношения олопецкого крестьянства с представителями губернской бюрократии и воинских властей второй половины 60-х гг. XIX века. Эти представители (да и сама власть) рисуются в ее творчестве в виде единой социально-враждебной силы. Сталкиваясь с ними, «крестьянский мир» выступает тоже как единая сила (например, «Плач о писаре»). Антагонизм крестьян и государственной власти был ведущим,

¹ Т. II, стр. 56, то же, стр. 33 и др.

² Т. I, стр. 285.

основным противоречием для областей русского Севера середины XIX века, но он, однако, не исчерпывал всех проявлений социальной борьбы в этих областях. Уже к концу первой четверти XIX века имущественное неравенство олонечских крестьян было весьма значительным.¹ На долю зажиточных, составлявших $\frac{1}{5}$ всех приписных крестьян, приходилось около $\frac{1}{3}$ пахотных и сенокосных земель, принадлежащих всем приписным крестьянам и более трети рогатого и тяглого скота. Из числа богатых семей особенно выделялись 32 семьи приписных крестьян, которые владели пахотными участками размером от 8 до 22 десятин² при среднем наделе ниже 3 десятин.³ Односельчанин Федосовой Дмитрий Захаров засеял 180 четвериков (22 десятины) и имел 12 лошадей. Крестьянин соседней Вырозерской вол. Фока Фролов засеял 130 четвериков (16 десятин) и имел 15 лошадей. С другой стороны, продолжала расти категория обезземеленных и обнищавших крестьян, вынужденных покидать деревню в поисках заработка. По сведениям комиссии, обследовавшей в 1825 г. положение олонечских приписных крестьян, 46% крестьянских семейств запахивали в среднем по 1,8 десятины и косили около 1,7 десятины при 0,9 лошадей на семью.⁴

Таким образом, расслоение крестьян еще задолго перед реформой 60-х гг. было достаточно заметным. После реформы оно резко усиливается. Так, во второй половине XIX века сыновья упоминавшегося Захарова из Толвуйской волости стали купцами и владельцами лесопильных заводов, два другие крестьянина из той же волости Аристов и Ямщиков стали широко торговать хлебом, завели в селах Заонежья лабазы, кабаки и т. д.

¹ О расслоении олонечского крестьянства в XVIII—XIX вв.: В. Семевский, Казенные крестьяне в царствование Екатерины II, Русская старина, 1879, № 1, стр. 29—32; № 2, стр. 264—265; № 3, стр. 393; Н. М. Дружинин, Государств. крестьяне и реформа П. Д. Киселева, 1946, стр. 74; Я. А. Балагуров, Положение олонечских приписных крестьян в 1-й четв. XIX стол., Изв. КФ НИ Базы АН СССР, 1948, № 1, стр. 119; Никулин, стр. 37, сл.; Г. Н. Богданова, Крестьяне Карелии во 2-й половине XVIII века, автореферат диссерт. на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Л., 1953.

² Балагуров, стр. 119.

³ Дружинин, стр. 318.

⁴ Балагуров, стр. 119, кроме того, см. Никулин, стр. 37 сл.

Пауперизация беднейших крестьян достигает значительных размеров. Земляки Федосовой — кузарандские и толвуйские крестьяне — были известны не только в губернии, но и за ее пределами, как искусные столяры и плотники. Об их положении красноречиво говорят данные, собранные в сборнике «Кустарная промышленность и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии»: «77% кустарей и ремесленников принадлежат к беднейшему классу, у которого нет совсем хлеба или не хватает его на полное удовлетворение продовольственных и семенных потребностей в течение целого года».¹

Имущественная дифференциация приводила к дифференциации социальной. Во второй половине 60-х гг. дифференциация крестьянства начала приводить к его разложению. Немалую роль сыграли и неурожаи этих лет.²

60-е годы — начало заключительного периода существования русского государственного феодализма как спе-

---

¹ Петрозаводск, 1905, стр. 17.

² В статье «Экономическое положение крестьян Кончезерской волости», опубликованной в Олонецких Губ. Вед. в 1869 г. (№ 33), некий «гласный от крестьян» И. Лавров так писал о состоянии олонцкого крестьянства после неурожайных лет: «Продовольствие крестьян Кончезерской волости, пострадавшей преимущественно от неурожая прежних лет, можно определить, таким образом, разделив их на четыре категории. К первой принадлежат крестьяне, имеющие свой хлеб или занимающиеся разными ремеслами и торговлею, вообще люди состоятельные. Вторую составляли крестьяне, которые в минувшие годы имели хорошее хозяйство, достаточное количество скота, известны были в народе за людей довольно исправных, но в последние пять лет от неурожая и сибирской язвы, также недостатка или малозначительности домашних промыслов, дошли до такого состояния, что своего хлеба нет, скот, по большей части, распродан, кидаются, как здесь говорят, во все стороны, утешаясь надеждою на ссуду муки от земства. К третьей категории принадлежат крестьяне, не получившие от своих полей в прошлое лето и месячного продовольствия: у редких из них одна тощая лошаденка да корова; всю зиму они кормились заработками или перевозкою разных материалов; с наступлением же весны продают единственную свою опору — двух дорогих для них животных, перебиваясь со дня на день в куске хлеба, а иногда положительно по суткам сидят голодом. Четвертую же, наконец, составляют крестьяне, не имеющие ничего, кроме детей и силы могучей, живут в работниках, равно и взрослые и дети, малолетние же и старики-отцы просят милостыню, не говоря уже о сиротах, для которых единственный путь к пропитанию в деревне — прощенный кусок».

цифического уклада. На смену ему медленно, но верно надвигались «отношения чистогана» — капиталистические отношения. Для карельской деревни это означало резкое усиление того процесса, о котором Ленин в своем классическом труде «Развитие капитализма в России» (1899) писал: «Несомненно, что возникновение имущественного неравенства есть исходный пункт всего процесса (разложения крестьянства — *К. Ч.*), но одной этой «дифференциацией» процесс этот отнюдь не исчерпывается. Старое крестьянство не только «дифференцируется», оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения, — типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством. Эти типы — сельская буржуазия (преимущественно мелкая) и сельский пролетариат, класс товаропроизводителей в земледелии и класс сельскохозяйственных наемных рабочих».¹

Федосова дала образное обобщение и этого процесса. В галерее крестьянских образов, зафиксированных поэтическим сознанием Федосовой, нашли свое место и бедные («маломочные») и богатые («полномочные») крестьяне,² крестьяне-торговцы³ и крестьяне-батраки.⁴ Современная Федосовой деревня знала сезонного батрака, короизицу, «сенокосца», «дроворубчика»,⁵ батрака-«подворника»,⁶ извозчика, «бурлака» (т. е. уходящего на заработки)⁷ и, наконец, наемного рекрута.

Бедствия олонецкого крестьянства второй половины 60-х гг. особенно обострили отношения внутри «крестьянского мира» олонецких деревень. Вырождение крестьянского самоуправления было повсеместным; всероссийским явлением. Как показали современные исследования, славянофильская, а затем народническая идеализация северорусской сельской общины («мира») не имела под собой реальной почвы. Единственной отличительной осо-

¹ Соч., т. III, стр. 142.

² См. т. I, «Плач о брате родном» (№ 10). Кроме того, см. стр. 7 и т. II, стр. 6.

³ См. т. I, «Плач о дяде родном» (№ 12).

⁴ См. т. II, стр. 209.

⁵ См. там же, стр. 132 и 209.

⁶ См. там же, стр. 42.

⁷ См. там же, стр. 16, 17 и др.

бенностью северорусской общины было ее замедленное развитие.

Расслоение крестьянства и давление бюрократии все больше и больше превращало сельскую общину в орудие деревенских богатеев и уездных чиновников. Сельский староста и сельский писарь были обычно ставленниками кулацкой верхушки и использовали свою власть в интересах как этой верхушки, так и личной наживы. «Вся обстановка крепостнического строя — примеры коренной администрации, действия деревенских кулаков, отсутствие всяких гарантий от произвола — воспитывали в выборных наклонность к беззаконию и стяжательству. Подавляющее большинство избранных на должности чувствовало себя независимыми от «мира» и третировало общину как формальную и маловлиятельную организацию».¹

Действия подобных деревенских заправил рисует Федосова в «Плаче о попе—отце духовном» (№ 22). Подобно чиновному начальству, — выборное сельское начальство не брезгует ничем. В глазах Федосовой — это такие же «судьи неправосудные», «власть немилосердная», «мироеды голопузые», разве только меньшего масштаба. Их способы вымогательства не менее циничны и грубы. В названном плаче староста, писарь и рассыльный запугивают родителей внезапно погибшего ребенка, они угрожают: «донесем да мы начальству про то высшему», и откровенно требуют:

Ты купи нам полуштоф да сладкой водочки,
Уже дай да золотой казны по надобью,

Мы забросим все дела да уголовный.²

Образ старосты и писаря в этом причитании нисколько не противоречит «Плачу о старосте» и «Плачу о писаре». Вообще говоря, это могли быть одни и те же лица. В одном случае («Плач о попе») — рисуются внутриобщинные отношения, в другом — столкновение представителей чиновничьей власти с «крестьянским миром» в пору реформенных потрясений. Оба случая одинаково типичны, а в сочетании друг с другом они с поразительной точ-

¹ Дружинин Н. М., Государственные крестьяне и реформа, П. Д. Киселева, т. I, М.—Л., 1946, стр. 349.

² Барсов, т. I, стр. 297.

ностью рисуют социальную природу крестьянских выборов и всего общинного «самоуправления» олонецкой деревни второй половины 60-х годов прошлого столетия.

Тексты Федосовой дают нам право со всей определенностью говорить о широкой практике подкупов и наймов и при рекрутской жеребьевке в заонежских деревнях. Мы уже говорили о неоднократном упоминании «нанёмщиков», т. е. подставных рекрутов, которых нанимали деревенские богатеи вместо своих сыновей. Власти, определявшие ход жеребьевки, т. е. волостной старшина и его помощники, именуется наравне с государственными чиновниками «судьями неправосудными». О социальном характере их проделок можно судить по любопытному эпизоду из первого текста II тома: приезжают за рекрутом, чтобы отвести его на «принём» в Петрозаводск, «судьи» — «крестьяна полномочный», т. е. деревенские богатеи. Рекрут говорит «судьям»:

И не знали меня добры эти людюшки,
И по изотчинке меня не нарекали,
И не били-то челом, низко не кланялись;
И сколько знать да стали добры эти людюшки
И примичать стали судьи да правосудный,
И как брать надо во службу государеву.¹

Новые взаимоотношения внутри общины, внутри группы родственников и внутри семьи определяют все поступки и чувства изображаемого Федосовой крестьянства. Узы родства и родственные чувства играют все меньшую роль, они явно подчиняются имущественным взаимоотношениям. В «Плаче о родном брате» (№ 10) крестьянка (сестра покойного) трагически переживает растущую отчужденность между богатым мужем и ее бедными родственниками. Эта отчужденность еще более усилилась, когда брат ее заболел и экономическое состояние его семьи пошатнулось:

Как во добром был он во здоровнице,
Почитали вы нас, белые лебедушки,
Ночь как сдѣялась великая незгодушка,
Как суслигла нас злодийская кручинушка,
Отрекнулись вы, род племя любимое² —

пеняет ей невестка.

Добры людюшки того да сдивовалися,
Што до нас ты сестрица сжаловалася;

¹ Т. II, стр. 7.

² Т. I, стр. 137.

Што повыбрала слободну пору-времячко,
Што забросила крестьянску свою жирушку,
Ты не спазлива до брата была милого,
Не желанна до сердечных была племяток.¹

Сестра покойного раскрывает причины своего пренебрежения к родственникам. Даже на похороны брата муж едва отпустил ее на неделю «с ходами» (т. е. считая дни в пути) и, конечно, не пошел сам. Горюя об участи детей покойного, она уверена, что муж не позволит ей взять их к себе, не позволит помогать им:

Кабы вольная была мне-ка волюшка
От надежной любимой семейки (т. е. мужа — К. Ч.),
Я прибрала бы сиротных малых племяток
На свою да я победну приберегушку,
Я обула этих детушек, — одела бы и т. д.²

Ей остается только просить «соседей спорядовых»³ не покидать сироток.

Центральная тема творчества Федосовой — горькая судьба вдовы и сирот, солдаток и солдатских детей.

¹ Т. 1, стр. 138.

² Т. 1, стр. 155.

³ Попутно о термине «соседи спорядовые». Регулярное и однообразное употребление его в причитаниях несомненно свидетельствует о том, что обращение к «соседям спорядовым» было первоначально не формальным, а социально-содержательным моментом обряда. Известно, что термин «соседи» на русском Севере обозначал членов своего рода, артелей — «патронимий», образованных родственниками или, реже, путем вхождения посторонних лиц в родственные союзы (подобно сямрам, складникам и т. д.). Современные названия деревень в большинстве своем свидетельствуют именно о патронимальном их происхождении. В Кузарице до сих пор не говорят «д. Коргачево», а просто «Коргачевы», не в «д. Коргачеве», а «у Коргачевых», «у Лисициных», «у Жарких», «у Скорниных» и т. д. Даже о деревнях Юсова Гора и Беляева Гора говорят «у Юсовых», «у Беляевых», «к Юсовым», «к Беляевым» и т. д. Очевидно, что первоначально это были патронимии «Коргачевы», «Лисицины», «Жаркие», «Скорнины» и т. д. Это подтверждается и упоминаниями современных названий деревень (таких фамилий внутри деревень теперь нет) в качестве фамилий в юридических документах прошлого, например: в дозорной книге Обонежской патины Заонежской половины письма и дозору Минны Дмитриевича Лыкова и подъячего Якова Гиевышева 7128 г. (1620 г.) упоминается «двор государева крестьянина Кузарицкие волости Киприянка Карагачева» (см. Воронов А., Толвуйский острог в 1820 г. ОГВ, 1891, № 100, стр. 1025). (Деревни же, более поздние по своему возникновению, сложившиеся уже вероятно как территориальные, а

Для русских крестьянок — современниц Федосовой — смерть мужа (или уход его на долгие годы в армию) была жесточайшим экономическим ударом. Смерть мужа лишала крестьянку надежды выстоять в борьбе с непомерными трудностями крестьянской жизни. Со свойственной ей зоркостью Федосова ясно видит социальные последствия смерти (ухода на службу) крестьянина для его вдовы и детей. Семья не только теряет работника, но и становится бесправной, переходит как бы в иную социальную группу. Поэтому Федосова постоянно говорит о «бобыльской» (т. е. батрацкой) вдовьей жирушке, о том, что вдове перестанут считать своей и родственники и соседи.

Я того страшусь кручинная головушка,
Всегда имячко мне было со изотчиной,
Краснословьице былб мне-ка отчимое;
За тобой жила надежной как головушкой,
Почитали спорядовы вси соседушки,
Поклон воздали жены мне-ка мужнии;
Теперь — нонь живу кручинная головушка,
Боящи хожу по широкой по уличке и т. д.

(стр. 186)

ИЛИ:

Была в живности любимая семеюшка,
Маломошному соседу не корилася,
Была гордая ведь я да непоклонная,
И с суседями была да несговорная;
Не начаяла я горя, не надиялася,
Что разлукушка с законной со державушкой
Что останусь, сирота вдова несчастная,
Я со этой станицей неудольной,
Со малыма, сердечныма детушкам

(стр. 7)

не родственные объединения, связаны с названиями местности — Загорье, Заболотье, Угольская, Великая и Малая Нива).

Несомненно, что ко времени оформления этого термина как термина, вошедшего в похоронные причитания, похоронный обряд отправлялся всеми членами патронимий. Мы ограничиваемся столь беглым замечанием, так как ко времени Федосовой термин «соседи спорядовые» обозначал уже только действительных соседей по деревне — односельчан, а обращение к ним было чисто формальным, сохранялось как ритуально-традиционное. Вдова и сироты едва ли могли рассчитывать на реальную помощь не только «соседей спорядовых», но даже и ближайших родственников мужа и отца и членов «отцовской большой семьи».

Даже вдова подторговывающего крестьянина («Плач о дяде родном» № 12) не может надеяться сохранить свое прежнее хозяйство.

Как нам жить буде печальным головушкам?
Вси отречутся нощь сродчи млы сроднички,
Вси отступятся кушпы твои приятели,
Вси отшатнутся попы — отцы духовный;
Мимо пройдут оны нову эту горенку.
(стр. 169)

Горе вдовы осмыслиется Федосовой как горе бесправнейшей среди бесправных крестьян.

Глубоко продуманным и поистине выстраданным звучит замечательный афоризм в «Голошении замужней сестры по родном брате» в записи Агреновой (№ 7):

Написано ноне в книге голубинья
Про твое ли про несчастье вдовиное,¹

т. е. «вдове горе — всем горям горе», будто бы так и записано это в книгу мироздания рядом с «окианом-морем», которое «всем морям море», с «Фавор-горой», которая «всем горам гора» и т. д.²

Судьба вдовы и сирот при полном отсутствии государственного попечительства (как это было во времена Федосовой) определялась взаимоотношениями родственников, т. е. в конечном счете, строем семьи, членами которой были вдова и ее дети. Поэтому сетования и размышления вдовы у Федосовой были бы совершенно неясны или заведомо модернизированы без предварительного анализа типа семейного общежития, господствовавшего в заонежских деревнях в середине прошлого столетия. Материалом такого анализа должны и могут служить в первую очередь тексты самой Федосовой. «Должны» — потому что мы не располагаем не только обстоятельным, но даже и беглым описанием заонежской семьи 60-х гг. XIX века. «Могут» — в силу специфической для Федосовой конкретности поэтического мышления. Мы уже неоднократно говорили о том, что, импровизируя для Барсова, Федосова каждый раз имела в виду реальный, действительно бывший случай. С другой стороны, ее обычно увлекал не отвлеченно-психологический, а со-

¹ Агренова, т. III, стр. 47.

² В записи от Федосовой см. «О книге голубинной», Агренова, т. III, стр. 96—99.

циально-конкретный анализ происходившего, взаимоотношений между живыми в трагическую минуту смерти и похорон покойного либо проводов рекрута.

Материал этот оказывается особенно богатым в силу специфического состава первой части I тома «Причитаний Северного края», в которой, как уже отмечалось, Барсов и Федосова стремились исчерпать все темы родственных взаимоотношений — здесь дается: плач жены по мужу, родственницы (за мужа) по жене, дочери по отцу и по матери, матери по сыну, по дочери, крестной по крестнице, сестры по брату и по сестре, племянницы по дяде родном и двоюродном, сватья по сватье и т. д.

Этот обширный материал для характеристики структуры современной Федосовой заонежской семьи, к сожалению, до сих пор не использован этнографами — историками семьи. В нашу задачу не входит всестороннее этнографическое обследование семейных взаимоотношений, отраженных в творчестве Федосовой, поэтому мы ограничимся лишь общей характеристикой.

В двадцати одном тексте причитаний, записанных от Федосовой в 1867—1868 гг. перед нами проходит более 20 семей, различных по своему составу, объединенных в творчестве Федосовой общностью переживаемого ими горя. Что же это за семьи? Из кого они состоят, какие взаимоотношения между их членами считаются нормальными, каков в них порядок наследования и т. д.?

В большинстве случаев — это семьи, состоящие из братьев, их жен и детей, живущих сообща. Иногда упоминается мать братьев, об отце же не говорится ни разу. Таким образом — это «большая семья», не разделившаяся после смерти отца. Один из братьев, обычно старший, называется «большаком», «настоятелем»¹ иногда «распорядчиком».² Общим у такой семьи является земля, скот и дом. Так, например, приглашая вдову за стол, один из братьев говорит:

Тоже дольничка ведь ты да не подворнища,
Ты участница участку деревенскому.
Ты тоже пайщица любимой скотинушки,
Половинщица хоромному строеньицу.³

¹ Т. I, стр. 14, 19, 25; т. II, стр. 211 и др.

² Т. I, стр. 43, 166, 172, 173, 182, 185, 225 и др.

³ Там же, стр. 42.

На общем поле вся «семья» работает сообща, сообща ухаживают за скотиной. Питаются, деля продукты и вообще доходы по количеству работающих (в «особину») или тоже сообща. В общем доме каждый из братьев имеет «пристройку» («не пристройщица хоромному строеньицу»¹ — говорит вдова) или «клеть» («С горя сойду в мелкорубленную клеточку»²), т. е. отдельное помещение. «Большак» с «большухой» занимают помещение, в котором стоит общая печка (поэтому «согреваться у кирпичной твоей печеньки»³ значит: жить в доме, в котором ты «большаком»). Рабочими руками распоряжается «распорядчик», т. е. «большак». Его разрешения и спрашивает каждый отлучающийся из дома⁴ (в отсутствие «большака» распоряжается «большуха»). Таковы внешние очертания наиболее распространенного типа семьи, изображенной Федосовой. Однако действительная жизнь «больших семей» была далека от начертанной нами юридической гармонии. Федосова рисует «большую семью» в последние годы ее существования. Внутри «большой семьи» уже вполне сформировались «малые семьи», преследующие свои корыстные интересы в ущерб общим. «Большая семья» была внутренне давно готова к взрыву, ее распад, по существу, искусственно задерживался установлениями и специальными мерами феодального государства, разрешавшими сегментацию (т. е. раздел «больших семей» на «большие» же), но не распад «большой семьи», чтобы сохранить платежеспособность оброчных единиц.⁵

С другой стороны, и для крестьянина окончательное расщепление «большой семьи» было экономически невыгодным, так как это усложняло несение податных и особенно натуральных (например, рекрутских) повинностей. Реформы 60-х и 70-х гг. сняли большинство этих искусственных ограничений распада «большой семьи», и ее разложение пошло катастрофически быстро.

¹ Т. I, стр. 220.

² Т. II, стр. 156.

³ Т. I, стр. 226.

⁴ Там же, стр. 231, 234 и др.

⁵ См. Дружинин, стр. 27; В. И. Семейский, Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I, изд. 2, СПб, 1903; П. Е. (Ефименко), К истории семейных разделов, Киевская старина, 1886, 3; М. О. Косвен. Семейная община, Сов. этнография, 1948, № 3.

«Роль феодально-помещичьей власти в консервировании большой семьи наглядно обнаруживается и в том неоднократно отмечавшемся явлении, — пишет М. О. Косвен, — что как раз с падением в России крепостного права особенно усиленным темпом пошли разделы сохранившихся еще к тому времени больших семей».¹ Характерно, что тексты Федосовой, записанные от нее в 80-е годы Агреновой-Славянской, дают уже зарисовки быта малых семей. Так, например, в «Плаче по муже или отце» (№ 1) дочь умершего, обращаясь к брату-подростку, говорит о том, что ему теперь вести крестьянскую работушку, управлять «крестьянску жирушку», т. е. быть «большаком».² Случай, невозможный в большой семье, в которой «большаком» становился бы брат отца. «Дядюшка» тоже фигурирует в плаче, но он «входит в избу» (след. живет в другой избе), и обращение к нему — простое испрашивание поддержки, защиты «от злых-то людшек»³, а не просьба обращаться ласково, не притеснять и т. д., как это обычно в текстах 60-х годов.

Какова же судьба вдовы (и солдатки) в заонежской семье 60-х гг. прошлого века, изображенной И. А. Федосовой? «Плач вдовы по муже» (№ 1) дает более или менее полное представление о типичной вдовьей доле того времени. До смерти покойного он, его вдова и их дети вели общее хозяйство с семьями братьев покойного, но доходы делили в «особину» и жили в обособленных помещениях внутри одного дома. После смерти мужа она не в силах быть попрежнему равноправной «дольщицей» с братьями мужа, ей придется пойти к ним в услужение. Родные же братья вдову не принимают — она не хозяйствовала с ними. Приходится выбирать «меньшее зло» — возвратившись с кладбища, вдова просит «братьцев богоданных» (т. е. братьев мужа):

Вы возьмите-тко победную головушку,
Вы во двор меня, горюшницу, коровницей,
Вы во зимное гумно да в замолотшки,
Вы во летныи меня да во работники;
Золотой казны вы мне да не платите-тко,
Только грубым словечком не грубите-тко,

¹ Там же, стр. 30. О массовых разделах в Карелии после 60-х гг., см. статью «К вопросу о семейных разделах», ОГВ, 1883, № 24 и др.

² Агренова, т. III, стр. 8.

³ Там же, стр. 11.

Ко дубовому столу меня да припустите-тко;
 Не обидьте вы печальную головушку,
 Не прошу да победна горепашеца —
 Со полосыньки у вас да я долиночки,
 Не со поженьки у вас да я третиночки,
 Половины со хоромного строеньица,
 И не пáю со любимой скотинушки.
 Я о том прошу, победная головушка:
 Вы обуйте столько резвы мои ноженьки,
 Вы оденьте столько белы мои плечушки,
 Вы подобрите победную головушку!¹

Таким образом, речь вдовы к братьям покойного мужа содержит вполне конкретное предложение держать ее в доме работницей, одевать и кормить ее и ее детей. Взамен она готова отказаться от своей законной доли в общем хозяйстве, стать из «дольщицы» «подворницей», т. е. батрачкой, «бобылкой», как она себя и называет.² Ее приход в семью «на иждивение» воспринимается братьями как приход «нахлебницы». Вдова прекрасно знает, что ее ждут только унижения. Дети ее будут забитыми и голодными, их будут попрекать куском хлеба. Каждое ее слово и каждое ее действие будет истолковываться как изъявление непокорности, желание увильнуть от работы:

Я приду да со крестьянской как работушки,
 Я по вечеру приду бедна позднешенько;
 Вся в собраньице любимая семеюшка —
 Светушки да тут все братцы богоданныи
 Со своима со любимыма семеюшкам,
 Со сердечныма рожоньма со детушкам:

. . . . .
 Закреплю свое ретливое сердечушко,
 Тут я ставлю им столы да все дубовыи,
 Да слажу им тут ужины вечерныя,
 Потихошеньку к дверям да подходить стану,
 Я с-за тульица, с-за липинки поглядываю,
 Из-за дверей да разговорушки держу;
 Сговорю да светам братцам богоданныим:
 — «Скоро ль идите за стол да хлеба кушать?»
 Засвирипятся ветляны тут нешóтушки
 На меня да кручинную головушку, —
 — «Што торопишься за ужину вечернюю,
 Знать, спешисься на спокойну, темну ноченьку!»
 Оны искоса ведь вси тут запоглядывають,
 Со всей лихостью оны да разговор держат:

¹ Т. I, стр. 31—32, то же, см. т. II, стр. 119, 127 и др. (солдатка).

² Стр. 12, 251 и др.

— «Не устали твои белые там рученьки;
Не работашку сегодня работала ё,
За кудрявой деревиночкой стояла все,
На красное на солнышко поглядывала:
Скоро ль солнышко ко западу движается,
Скоро ль красное за облако закатится,
Со работашки вдова да в дом пришатится».

(стр. 40—41)

Так разлагающаяся «большая семья» все еще по-старому принимает вдову на иждивение, но совсем по-новому превращает ее в батрачку.

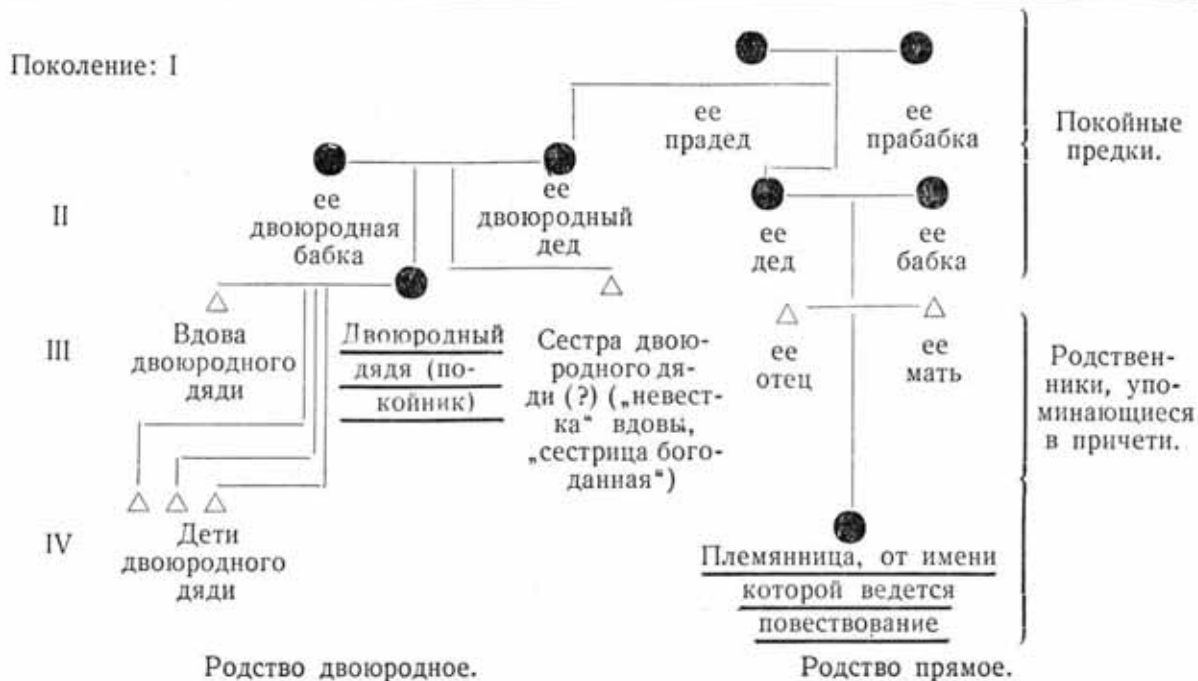
Типичность этого превращения равноправной (по отношению к другим крестьянским женщинам) крестьянки во вдову-батрачку была отмечена Некрасовым почти дословным перенесением наиболее ярких отрывков этого плача Федосовой в VI главу («Трудный год») второй части поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Положение солдатки по существу ничем не отличалось от положения вдовы, поэтому Некрасов был вправе судьбу вдовы из плача Федосовой приписать солдатке Матрене Тимофеевне. Недаром солдатка в «Плаче по рекруте женатом» (№ 8) завидует вдове, которой по крайней мере хоть известно, где лежит ее муж.

Федосова знает и более глубокие «большие семьи», в которых племянники живут с «дядями» («По дяде» № 12, «По брате двоюродном» № 13 и «По дяде двоюродном» № 14) и называют их совершенно архаично «родитель-дядюшка»¹ и «родитель — родна тетушка»,² крестник живет с крестной (тоже обычно из «дядиной родни») и т. д.³ Наиболее сложная структура семьи зафиксирована Федосовой в «Плаче о дяде двоюродном» (№ 14). Здесь семья состоит из причитающей, ее родителей, двоюродного дяди с женой и детьми, незамужней двоюродной тетки и др. (см. схему на стр. 240), т. е. «большая семья»

¹ Т. I, стр. 188, 189.

² Стр. 189, 190, 192, 223.

³ Материалы биографии Федосовой дают нам совершенно аналогичные сведения: Федосова до замужества жила в семье, состоявшей из 22 человек (Барсов, т. I, стр. 314), в составе которой была, между прочим, и «хозяйка братова», т. е. жена брата. И. А. переехала в Петрозаводск, так как Яков Иванович, ее муж, и она не поладили со вдовой дяди, «большухой в семье» (т. е. женой старшего брата отца Якова Ивановича — Ивана), (См. Куликовский Г. И., Олонекская народная поэтесса Ирина Федосова в Москве, ОГВ, 1896, № 4 (17 января) стр. 2).

оказывается неразделившейся даже в третьем и четвертом поколении. «Большаком» в семье был «двоюродный дядя» (очевидно, старший из мужчин), после его смерти «большаком» становится отец причитывающей. Вместе с тем, перестает быть «большухой» и жена «покойного», судьба которой оказывается в центре внимания Федосовой. Покойный заботился о племяннице больше, чем ее родители, поэтому симпатии причитывающей на стороне его вдовы. Вдова сетует на то, что во-время не отделилась (делиться после смерти мужа она, очевидно, не имеет права), подумывает, нельзя ли ей возвратиться к своей родне, но там она тоже будет «не гостьей, а подворницей».¹ Ей приходится оставаться на «мужнем поместье», подчиняться новой большухе, работать теперь наравне со всеми, не претендуя на равную долю дохода, так как она вдова. Таким образом, и бывшая «большуха» архаичной «большой семьи», не распавшейся в третьем и четвертом поколении, разделяет судьбу «обычной» вдовы — она должна стать «бобылкой», которую кормят из милости.

Федосова знает и типичные «малые семьи» и с равной силой обобщает судьбу вдов в семьях такого типа. В том же «Плаче вдовы по муже» (№ 1) соседка молодой вдовы, поучая горящую, рассказывает о своей собственной судьбе. После смерти мужа она одна несет все тяготы крестьянской жизни и превратилась в такую же «бобылку», как и ее молодая товарка, и если «бобыльство» молодой, так сказать, внутрисемейное, то «бобыльство» одинокой вдовы — «бобыльство» на людях — батрачество:

И мне куды, бедной горяше, подеваться,
И наживать да где довольны эти хлебушки,
И мне задаться хоть (к) крестьянину богатому
И мне во летны хоть, горяше, во работнички,
И мне во зимны, горяше, во коровнички.²

«Семейную» вдову гнетет семейство, родственники; одинокая — остается один на один с социально-враждебной силой — «властями»: она — «податная единица». Поэтому:

Как послы своей надежной головушки
Я по земским избам да находилася,

¹ Т. I, стр. 226.

² Т. II, стр. 132.

У судебных-то мест да настоялася,
Без креста-то ведь я богу намоллилася,
Без Иисусовой молитозки накланялася,
Всем судьям, властям ведь я да накорился.¹

В таком же положении, как уже говорилось выше, оказывается и вдова «сермяжного купца», торговавшего и продолжавшего пахать землю:

Надо дом вести крестьянска эта жирушка,
На работе большаком слыть настоятелем,
Во дома да наб большухой подомовой,
Распорядок на крестьянской надо жирушке,
Наб разряд (т. е. «распорядчика» — К. Ч.) да ведь
сердечным малым детушкам;²

С удивительной нежностью и щемящей тоской вырывает Федосова отчаяние одинокой вдовы, вынужденной заставлять малых детей работать в поле, а недоростка-племянницу — хозяйничать у печки. Разбуженные непривычно рано дети отправляются на пожню и там, пригретые утренним солнцем, засыпают под кустиком, не скосив ни травинки. Мать бранит их, плачет над ними, обещает им подарки и принимается вместе с ними за работу. Все усилия вдовы не спасают ее от разорения; приходит время платить подати, а она вынуждена распродать нажитое с мужем:

Говорить стане сердечно мило дитятко:
— Да ты слушай же, родитель, моя матушка,
— Со двора продать любиму наб скотиночку,
— Со конюшенки продать да коня доброго;
— Не к лицу тебе, родитель-родна матушка,
— Што таскаться по избам тебе по земским,
— У стола стоять, родитель, у судебного,
— Супротив стоять судей неправосудных...³

Таким образом, смерть мужа и отца — начало злосчастной вдовы и сирот — осмысливается Федосовой как факт социальной значимости. Вдову (или солдатку) после смерти мужа «власти», «крестьянский мир» и сами родственники дружно загоняют в ряды батраков, бесчеловечно поглощают хозяйство, а с ними и убогие «права» вдовы (солдатки). Федосова поднимается до социального

¹ Т. II, стр. 16.

² Стр. 182.

³ Стр. 183.

осмысления волнующей ее общественной несправедливости, но она знает, что ее смелый протест безрезультатен, вдовы обречены на разорение, а их притеснители наказаны не будут. Напрасно она взывает к справедливости, напоминает «братьям богоданным» или «соседям спорядовым» о добре, которое творил для них покойный. Даже когда солдат пришел на побывку и пеняет братьям:

Когда ж в грозну меня службу отправляли,
И вы заклятье-то ведь мни да полагали:
«И не сбидим мы сердечных твоих детушек,
И не огрѹбим ведь твою да молодѹ жешу»;
И прозабыли, светы братьяца родимыи,
И вы заповедь свою да ведь заклятье,¹ —

все знают, что он уйдет и все останется по-старому.

Мы видим, что Федосова отобразила не только горе женщины, вызванное смертью близкого ей человека в общем психологическом плане, но дала поэтическое изображение трагической судьбы вдовы (солдатки) во всей социальной конкретности этой судьбы на исторически определенном этапе жизни русского крестьянства.

Наш обзор социальных противоречий внутри крестьянства, как их изображает Федосова, оказался бы неполным, если бы мы не коснулись еще одной темы, развитой Федосовой в рекрутских причитаниях. Судьба рекрута, или, лучше, судьба родившегося быть рекрутом и впоследствии ставшего им, определяет особые имущественные взаимоотношения его с родственниками. «Рекрут» до ухода в армию содержится как бесплатный работник,² братья стремятся не женить его, чтобы не выделять ему доли, а если он женился, после его ухода «обатрачить» его жену. Приход солдата на побывку пугает братьев, они становятся приветливыми только, когда он заверяет:

Не убоитесь, светы братьяца родимыи,
И к вам не пахарем на чисто пришел полюшко,
Не сенокосцем на луговин на поженки,
Не рыболовушком на сине на Онегушко;
И на один пришел учетный столько годышек,
Я до спросу-то пришел да государева.³

Судьба рекрута осмысливается Федосовой как история вытеснения его братьями из доли:

¹ Т. II, стр. 187.

² Там же, стр. 22—24.

³ Там же, стр. 184.

Как мои да светы братьяца родимы
Изживають мнѣ, бѣдна добра мѣлодѣа,
И быдто лютого зверѣ да из темна лѣса¹
И быдто лютую змею да из чиста поля.¹

Рекрутские причитания показывают все ту же «отцовскую большую семью», искусственно сохраняемую, но вполне готовую к внутреннему взрыву. Члены ее уже подготовлены к обособлению в «малые семьи», их идеология противоречит окостеневшему строю «большой семьи».

Таким образом, в творчестве Федосовой противоречия внутри «крестьянского мира», внутри группы родственников и, наконец, внутри «большой семьи» выражены с меньшей полнотой, чем общий антагонизм крестьянства и представителей чиновничьей и военной власти. Однако этот последний все же играет в ее творчестве ведущую роль, рождает наиболее глубокие и поэтически законченные обобщения, в то время, как внутренняя противоречивость крестьянской жизни находит свое выражение в серии социально осмысленных бытовых зарисовок. Вместе с тем несправедливость «крестьянского мира» по отношению к отдельным его представителям, вызывая возмущение Федосовой, не толкает ее на активный протест и не вызывает у нее гневного возмущения, подобного проклятию судьям в «Плаче о старосте» или проклятию командирам в «Плаче о холостом рекруте». Протест Федосовой выражается здесь как бы косвенно, им наполнена каждая строка, но ему не посвящено ни одной строки специально. Для нее это скорей общая оценка жизни, общая оценка людской несправедливости. Протест же против бесчеловечных действий властей — это протест против чуждой и внешней силы, врывающейся в «крестьянский мир» и приносящей непоправимые разрушения. Он звучит смело и властно, он полон гражданского пафоса именно потому, что это ведущее противоречие крестьянской жизни той поры.

ГЛАВА 7

Характеристика основных черт крестьянского мировоззрения в пореформенный и предреволюционный период была дана с исключительной точностью и замечательной глубиной В. И. Лениным. Она повторялась им неодно-

¹ Т. II, стр. 44.

кратно, особенно в статьях, посвященных пятидесятилетию падения крепостного права (1910—1911 гг.),¹ восьмидесятилетнему юбилею, а затем смерти Л. Н. Толстого (1908—1911),² отразившего в своем творчестве идеи и настроения патриархального русского крестьянства. Ленин писал, что века крепостного гнета и десятилетия пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости, породили стремление смести до основания и церковь, и помещиков, и помещицье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, создать на месте полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян. В то же время В. И. Ленин отмечал незрелость социальных идеалов, говоря о «мягкотелости патриархальной деревни»,³ «политической невоспитанности»⁴ крестьянства, о том, что «монархические (а также неразрывно связанные с ними конституционные) иллюзии нередко парализовали его энергию... порождали пустую мечтательность о «божьей земле» вместо натиска на дворян-землевладельцев с целью полного уничтожения этого класса».⁵ И если в революции 1905—1907 гг. «все же, в общем и целом, крестьянство как масса боролось именно с помещиками, выступало революционно...»,⁶ то настроения крестьян в 60-е годы характеризуются В. И. Лениным по-иному: «...века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием...»⁷.

Классическая ленинская характеристика крестьянского мировоззрения блестяще подтверждается материала-

¹ «По поводу юбилея», «Пятидесятилетие падения крепостного права», «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция», «Сила и слабость русской революции» и др.

² «Лев Толстой, как зеркало русской революции», «Л. Н. Толстой», «Не начало ли поворота?», «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение», «Толстой и пролетарская борьба», «Герои «огорочки», «Л. Н. Толстой и его эпоха».

³ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 184.

⁴ Там же, стр. 185.

⁵ Т. 17, стр. 98.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 96.

ми народной поэзии, в частности всем творчеством Федосовой. Основные черты ее социального протеста как нельзя лучше характеризуются ленинскими словами: «...многомиллионная масса русского народа, которая уже ненавидит хозяев современной жизни, но которая еще не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца непримиримой борьбы с ними».¹ Протест Федосовой при всей своей силе был «не освещен никаким политическим сознанием». Более того, говоря о нем, следует помнить, что мы имеем дело со стихийно-реалистическим художественным творчеством, с мышлением поэтическими образами, которое при всей своей социальной конкретности, не обладало ясностью социального сознания. Ленинская характеристика крестьянского мировоззрения относится в основном к крестьянству в десятилетие, предшествовавшее революции 1905—1907 гг. и во время нее. Социальный протест крестьянства 60-х гг., с большой широтой отраженный в творчестве Федосовой, был еще менее осознанным и еще более противоречивым. За пятьдесят лет крестьянство проделало огромный путь, но для нас важно, что началом этого пути явились 60-е гг. Именно в 60-е гг. начало вызреть то, что дало свои плоды в 1905—1907 гг. В этом именно смысле В. И. Ленин говорил, что «1861 год породил 1905», имея в виду не только общий характер экономического развития России во вторую половину XIX века, но и эволюцию мировоззрения трудовых масс России.

Анализируя тексты Федосовой, мы стремились показать, насколько глубок и сложен характер ее социального протеста, показать, что означало для нее практически «ненавидеть хозяев современной жизни», показать, как тяга к новым формам общежития, с одной стороны, и «мягкотелость патриархальной деревни», ее «политическая невоспитанность», о которых говорит Ленин, — с другой, приводили к «незрелой мечтательности» об иллюзорной новгородской «досюльщине», о некоем «золотом веке без определенных жизненных очертаний». Нельзя забывать и того, что протест Федосовой выражен в форме причети, правда, значительно перераставшей уже старые рамки и границы, но все еще остававшейся причетью. «Апелляция к духу» (для Федосовой просто к богу), о

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 323.

которой говорит Ленин, в достаточной мере была свойственна и Федосовой. Проклиная «судей неправосудных» в «Плаче о писаре», она заканчивает гневную тираду обращением к богу:

Слыши, господи, молитвы мои грешные!
Прими, господи, ты слезы детей малых!¹

В «Плаче о писаре», негодуя на «властей», она не забывает вложить в уста кумы просьбу к покойному рассказать о крестьянских несчастьях богу (может быть, он заступится).

В иллюзорной «божьей земле», новгородской «достолющине», утверждает Федосова, люди жили по божьим законам:

По суду ли-то теперечко по-божьему...²

Таким же воздыханием о «божецкой жизни», о котором говорит Ленин, является и федосовское возмущение войной:

И пораздумаюсь бессчастливым умом-разумом;
И для чего ж да божьи церкви-то ведь строятся,
И для чего ж попы-отцы духовные ведь ставятся?

И мы живем да точно гуси заблудящие;
И как за наше, знать, велико прегрешение
И понапрасное живет да кроволитье.³

С другой стороны, Федосовой, как уже отмечалось, свойственно задумываться над «справедливостью божьей».

Читая заключительные строки «Плача о писаре» Федосовой, нельзя не вспомнить замечания В. И. Ленина о «монархических иллюзиях» крестьянства.

Кабы ведали цари да со царицами...
...про несчастную бы жизнь нашу крестьянскую.⁴

Хотя вина за рекрутчину и солдатчину возлагается и на царя, протест Федосовой, главным образом, направлен против непосредственных виновников крестьянских несчастий. Федосова мечтает о возможности «бить челом... царю да благоверному», рассказать ему о проделках «властей», хотя и знает, что до царя «не допустят»:

¹ Т. I, стр. 288.

² Т. II, стр. XII.

³ Т. II, стр. 293.

⁴ Т. I, стр. 293.

И тут раздумаюсь бесщастным умом-разумом:
И скрозекозны эти судьи страховитыи,
И штуковаты эти власти немилосердныи;
И нету страху у злодией в реглизом сердце,
И нету совести у их да во ясных очах,
И не допустят-то прошения бесщастного,
И как до этого царя да до великого,
И все до матушки-царицы милосердоей;
И оны с ду-другом, злодией, увидаются,
И тут «зорвут-то гербовую бумаженьку;
И тут обыщут ведь солдатушков бесщастных,
И горевать, видно, бесщастным век и по-веку!»¹

Мы уже говорили о том, что при всей четкости конкретного осознания враждебной социальной силы, при всей энергичности протеста против нее, власть представляется Федосовой «фатальной силой». В этом отношении не случайна последняя строка только что приведенной цитаты:

И горевать, видно, бесщастным век и по-веку.

Федосова осознала глубину крестьянского «горя», она знала, кто виновник его, ненавидела этих виновников, но она не видела и не могла видеть путей освобождения. Жизнь научила ее ненавидеть социальных противников, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы. В этом сказалось во всей полноте ограниченность сознания крестьянских масс той поры.

Следует отметить, однако, что элементы социального протеста, т. е. сильные стороны мировоззрения Федосовой, явно брали верх над слабыми сторонами ее мировоззрения, о которых только что говорилось. Федосова всем своим творчеством отразила начало того процесса, о котором Г. В. Плеханов писал: «Мало-помалу масса растается с тем квиэтизмом, который привлек к ней горячие симпатии Толстого».² Поэтому не случайно творчество Федосовой привлекало внимание Некрасова и Горького, в то время как Л. Н. Толстой так же не случайно встретился с земляком и современником Федосовой В. П. Щеголенком (д. Боярщина), творчество которого характеризуется стремлением к «христианскому квиэтизму», к усилению религиозных мотивов в русском эпосе.

¹ Т. II, стр. 225.

² Плеханов Г. В., Собр. соч., т. XXIV, стр. 248.

Необходимо отметить, что сама И. А. Федосова, повидимому, ясно сознавала остроту текстов, которые она диктовала Е. В. Барсову. Недаром она ему говорила: «Не сошли меня на чужедальную сторонушку».

* * *

Подведем некоторые итоги. Анализ исторических условий, в которых родилось и созрело поэтическое мастерство Федосовой, дает возможность утверждать не только историческую закономерность ее идеологии, но и поставить вопрос обо всем ее творчестве, как поэтическом обобщении мировоззрения русского крестьянства в исторически конкретный момент его существования — во вторую половину 60-х годов XIX века. Ценность творчества Федосовой в необычайно сильном и полном отражении не только реальных событий, реальных классовых взаимоотношений и реальных черт крестьянского быта, но прежде всего самой идеологии крестьянства, выраженной в художественных образах, близких всему русскому крестьянству той поры.

Острота социального мироощущения Федосовой находит свое объяснение в крайней сложности, напряженности социально-политической ситуации пореформенной России. Поэтическое сознание Федосовой, пораженное непрерывным потоком бедствий «страшных» реформенных лет, упорно искало виновников и причин этих бедствий, поднимаясь до сознания «конкретного горя», как «горя социального». Социальный враг — источник всех крестьянских несчастий — был узан и определен ею. Отсюда — сильнейший социальный протест, «неожиданный» для неграмотной олонечкой крестьянки гражданский пафос и мужество.¹ Федосова искала, но не находила выхода из окружающего ее мира социальной несправедливости. Сам этот социальный протест созрел и развивался на путях, типичных для русского крестьянства второй половины XIX века и нес на себе бремя характерной незрелости, противоречивости, политической неосознанности.

---

¹ Недаром Н. К. Михайловский в своей рецензии на I том говорит о «гражданских мотивах» в творчестве Федосовой, см. Отеч. зап. 1872, № 11, стр. 149—175.

Таким образом, Федосова с большой полнотой отразила в своем творчестве сильные и слабые стороны крестьянской идеологии середины XIX века.

Социальная острота и поэтическая сила текстов Федосовой, по достоинству оцененная В. И. Лениным, А. М. Горьким и Н. А. Некрасовым, обеспечили народной сказительнице не только значительность ее воздействия на современную ей крестьянскую аудиторию, но и позволяют оценить ее творчество как значительный вклад в историю русской культуры.
